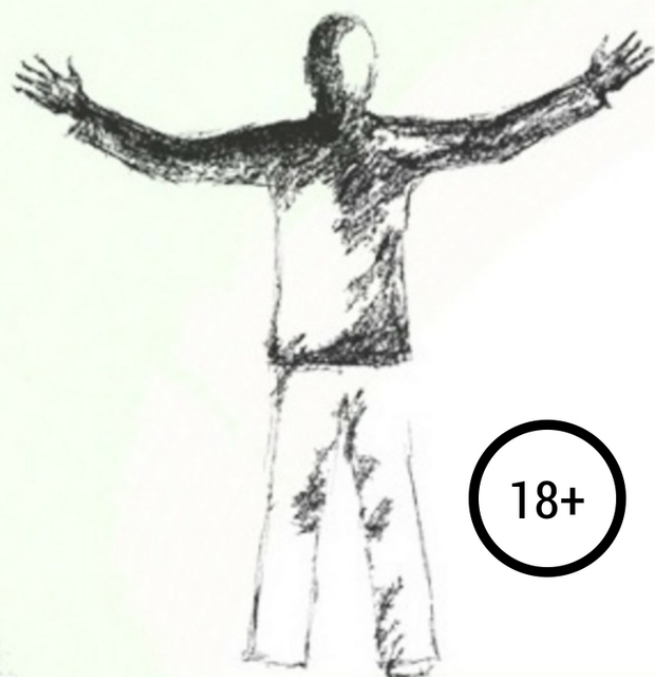

Николай Зуев

Запах теней

18+

Николай Зуев

Запах теней

«Автор»

2013

Зуев Н.

Запах теней / Н. Зуев — «Автор», 2013

Кто-то скажет: «Случайность». Кто-то сообщит: «Вполне закономерное явление». Найдётся и тот, кто смело заявит: «И то и другое может быть в сказке». Случайностей не бывает, но, увы, закономерность тоже неподходящее название для повести, которая зародилась здесь и сейчас. Однажды один молодой человек по имени Дмитрий вдруг, понял, что окружающий мир совсем не такой, каким его преподносят органы чувств. Жестокая реальность стряхивает личину, обнажая тайные, скрытые от посторонних глаз факты. Безумная правда буквально колотит героя всё новыми, весьма мрачными, дикими событиями, в которых гибнут люди.

© Зуев Н., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Вступление	6
Часть 1	9
Глава 1. Знаки	9
Глава 2.	34
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Николай Зуев

Запах теней

Вступление

И почему она решила, что на этот раз всё получится? Да, что на неё нашло? Такая уверенность в себе в некоторых случаях может быть губительной – во всяком случае, сейчас именно так и вышло. Не в первый раз, конечно: подобных ситуаций, если этот термин «ситуация» вообще можно применить к обстоятельствам такого рода, было много, около двух или трёх десятков (ей так хотелось верить). Но, как и прежде, где-то глубоко внутри теплилась надежда, что уж на этот раз обязательно получится.

И, всё же, почему она так решила? Почему? И вообще, неужели это стоило того? Десятки ни в чём не повинных судеб, которым пришлось стать невольными пленниками случая, в один короткий миг отчаяния и слабости того же случая лишились самого дорогого: жизни. Стоило это того? Не ей решать, ровно так же, как не ей судить? Тогда кому? У кого находится этот злосчастный скипетр власти, которому она просто на всего не в состоянии сопротивляться? Кто правит миром, и, в конце концов, кто правит ей? Кто же, чёрт возьми? Вот и ответ: наряду с извечностью «кто же это» вполне приемлемое «стоило ли это того» обретает смысл.

Может быть, конечно, она не вправе принимать такие решения, граничащие между жизнью и смертью, но кто же тогда решил за неё? Кто и когда решил, что её существование (столь жалкое и бессмысленное) будет именно тем, что оно из себя и представляет: жалким, ничтожным и лишённым всякого смысла? Кто же? И кто сможет ответить ей на вопрос всей её жизни, долгой мучительной жизни с отнятым чувством собственности? Будто создатель, однажды, проявив непростительную халатность в нелёгком труде творения, забыл добавить эликсир духовной ценности, превратив своё дитя в «ничто». Ни вспышка в небесах, ни миг в пространстве и времени, и даже ни букашка, ищущая приют в кучке свежего дерьма, а просто на всего «ничто». Ни имени, ни значения, ни смысла, ни принадлежности самой себе. Словно брошенная вещь, правда, уже и та к всеобщей благосклонности небес, имеет значение «вещь», она была, имелась, наличествовала, пребывала и одновременно отсутствовала. В этом мире не было места для неё.

И помимо желчного ощущения одиночества оставалась одна единственная проблема: «Почему же он забыл про неё? Она ему не нужна? Творец не желает знать её?» Ответ слишком прост и для неё он ОДИН: «может быть он вообще и не знает о тебе – слишком много в этом мире вопросов без ответов».

Смешная жестокая правда заключалась в том, что только сейчас (весьма неподходящее и безумное мгновение) её посетила, вдруг, странная и, в то же время, гениальная, как ей показалось, мысль: *«Нужно быть тем, кем являешься на самом деле. И неужто ты так и не поняла, дуручка, это же испытание! Так сказать, проверка, с которой ты не можешь справиться, в силу своего упрямства и внутренней несостоятельности, в силу своей противоестественной любви к людям».*

Довод подходящий, вот только всё очень тривиально, и от этой наивной простоты возникает миллион ненужных и чертовски навязчивых вопросов. Как быть тем, кем явился на свет, если ты не знаешь и никогда не знал, кто ты на самом деле? Как? Самое страшное, что впереди в ближайшие эти десятки, а может и сотни лет, никаких перспектив на просветление. Ужас, да и только!

И всё-таки она приняла во внимание эту идею, и какой бы туманной ни была эта мысль, сейчас она казалась самой верной. В её крайне невыгодном положении нужно лишь ощутить пульс единой вселенной и, наконец, вдохнуть смысл намеченного существования. Всё очень просто: возьми и прими положение вещей, как дар, и стань тем, кем на самом деле явилась на свет. Ведь просто же?

Просто. Только есть один маленький вопросик, который булькал в закипающем котелке помутневшего сознания: Кто она? Те, чьи души она ломала, словно печенье, чьё существование имеет хоть какой-то, пусть и относительный, ограниченный жёсткими рамками скудного окружения, смысл, хотя бы знают, кем явились на этот свет. А она? Кто она? Вопрос, который будет мучить её очень-очень долго, на протяжении веков, и на который она так и не найдёт ответ. И что же это за дар такой, который в одну секунду обернулся проклятием?

Не смотря на все эти «против», идея принять собственное «я» и всё же покорится, наконец, судьбе, не показалась ей слишком опрометчивой, напротив – теперь гениальность приобрела имя. Теперь она узнает всё, и будет всё по-другому. Она уверена в этом, и никто её не переубедит, не посмеет и... даже чуточку... потому что никто и не знает о её существовании.

Смешно?! Ведь совершенно никто не знает, что во вселенной существует вот такая путешественница, этакая «попрыгунья». Прыг-да-скок, ещё один прыжок. И пусть она совершенно ничего не знает о себе, это беда – достаточно того, что она вообще есть. Разве не прекрасно, что она может дышать (пусть и таким образом), может видеть очарования этого мира, может слышать звуки опоясывающего великолепия, может любить...?

Любить? В данной ситуации весьма затруднительно утверждать, настолько же сложно и судить. Навряд ли ей знакомо это чувство, во всяком случае, в привычном проявлении человеческих отношений, и ... её поступки подтверждают совсем обратное. Что она натворила за этот месяц – страшно себе представить, её фантазии не было предела совершенства. Понимала ли она, что те, кем она пользовалась в тот момент, и чью жизнь с такой лёгкостью прервала, вероятно, могли испытать боль? Задумывалась ли она об этом? Нет и нет. Не задумывалась, и даже в мыслях не было, поскольку те, в чьём жерле каждый раз ей приходилось быть, всегда в подобных случаях теряли способность воспринимать мир – они уходили прочь, и невозмутимый сон абсолютного беспамятства обступал их разум. Она не предполагала и не знала, что им довелось испытать нечто пострашнее, чем боль – к ним пришла пустота. Бездушный вакуум безразличия, страха и больше ничего. В какой-то миг, они становились заложниками той же участи, что и у неё, менялись местами и делили судьбу на двоих.

Она не думала об их судьбе – её волновала личная. Собственно сейчас был тот случай, когда ей в очередной раз вздумалось позаботиться о себе. И почему она решила, что на этот раз всё получится? Ведь прежде с избытком той же уверенности, все её попытки приводили к неминуемому провалу, обнажая глупость и чрезмерную самоуверенность «попрыгуньи». Почему же сейчас удастся? Да, потому что примерно двенадцатый или тринадцатый раз назад было нечто, о чём её нутро не в состоянии забыть. Тогда, на очень недолгий миг она смогла стать собой (во всяком случае, ей так показалось), её душа обрела материальную составляющую вселенной и, будто бабочка, воспарила к всевидящему оку создателя. Но перед этим она помнит, как воспарила к небесам и камнем устремилась вниз, как раздался треск рвущейся в клочья кожи, и разлетелось тело несчастной девушки, дремлющей в пучине собственного сознания, как лопнули тонкие нити, связывающие её сущность с властью всевидящего, и атмосферой свободы заполонило грудь. И в этот сладкий миг к ней, наконец, пришла твёрдая уверенность в правоте собственных действий.

Ну, конечно же, ты выбрала правильный путь! Она почувствовала лёгкость и внутреннее умиротворение, все сомнения улетучились вон, горькое отчаяние никчёмности вытолкнуло ощущение бесконечного счастья! «Неужели она обрела покой?» – возникли тогда мысли. Слишком долго в мирских бескрайностях её мучил вопрос собственного значения, слишком много страданий бессмысленного существования принёс ей этот свет, слишком долго она не принадлежала себе. Она даже не могла себя убить! Многочисленные попытки наложить на себя руки кончались провалом и, как следствие, очередным «прыжком». Попрыгунья, чёрт возьми!

Но, тогда всё было по-другому, по-особенному! Когда тело девушки размазалось о морщины скал, она ощутила небывалую лёгкость и тут же вскочила. Ухватившись за небывалые

доселе чувства, ей захотелось побежать, и она сделала это. Секунды незабываемого счастья и ни с чем несравнимого ощущения свободы, завершились провалом. Ей не удалось убежать от судьбы, от собственного «я» – «прыжок» догнал и, как было не раз и не два, а десятки-сотни, бесцеремонно и небрежно швырнул её в объятия пространства вселенной. Тот миг она не забудет никогда – ради него она и продолжила адский рейд истребления чужих судеб.

Есть ещё одна причина, которая вынуждала её поступать так, а не иначе: понятие «забыть» обрело особый смысл. Обуянная страхом потери собственной памяти, «забыть» стало врагом номер один. Никто не знал и не узнает, что после, так сказать, очередного закономерного поселения, спустя всего пару-тройку дней её память стиралась начисто. Она забывала, кем на самом деле являлась (хотя и этого не знала до сих пор), и становилась частью чужой жизни, чужой судьбы. Мир принимал её в свои объятия, лекарством человеческого бытия глушил болезнь, которой ровно через год суждено было вылезти наружу, будто червь. «Прыжок», который, точно по расписанию, настигал в один и тот же день, возвращал её сознание назад к жестокой реальности, и напоминал о горечи внутренней сущности.

Не хотелось ей терять память вновь и уж тем более не хотелось терять возможность обрести собственное маленькое счастье, освободиться от оков судьбы, убежать от злого рока и воспарить к небесам. Вот вам и причины, отчасти крайне глупые, причины, по которым она унесла десятки жизней ни в чём не повинных девочек. Хотелось верить, что именно в этот раз всё получится, и она, наконец, обретёт смысл существования или, на худой конец, умрёт.

Но, увы! Ни в этот, ни в прошлый, ни в какой-либо другой не вышло. Она совершила самоубийство (не загадывала, в какой по счёту раз – их было много) в ожидании чуда, но судьба-злодейка уже решила не отпускать её – она должна жить, она нужна ей, её значение за пределами понимания, она существует, и этого вполне достаточно.

Может быть, именно поэтому сейчас, лёжа в луже чужой крови, в распластанном теле, перерезанном металлическими дисками поезда, ей и пришла столь гениальная мысль. Нужно просто быть самой собой! Так просто и гениально! Собой! И не нужно никаких лишних вопросов! Зачем вмешиваться в ход времени, когда не имеешь власти над ним?! И, правда, зачем?

«Я люблю людей» – прошептала она, – «я люблю тебя вселенная».

Она решила, что никогда больше не совершит подобного и не отнимет чужую жизнь, с щедрой руки подданную ей свыше. Никогда и ни за что, и пусть ей не будет покоя от настойчивых вопросов, лишённых ответов, она пройдёт свой путь, пройдёт до конца.

Сумрак погрузил её в свои объятия, и, не подозревая, что её путь – бесконечность, устремился вперёд туда, где её никто не ждёт.

«Я люблю тебя мама, я люблю тебя вселенная» – заключила она, и «прыжок» потянул её за собой.

Часть 1

Глава 1. Знаки

У природы есть такой период, когда всё живое просыпается, с новыми силами бросается в круговорот случайных и неслучайных событий, вступает в очередной жизненный цикл. Мы привыкли воспринимать это явление природы как пробуждение (во всяком случае, большинство из нас).

Но спала ли на самом деле природа? Быть может, это всего лишь нужный отдых во время бодрствования? Отдых, столь необходимый для рывка, для того, чтобы набраться сил и существовать дальше, жить дальше. Очень может быть.

Никому из нас *людей* думать об этом нет необходимости, да и не хочется вовсе. Все привыкли воспринимать окружающий мир таким, какой он есть. Так сказать, в постоянном облике и вполне предсказуемой форме – обыкновенным. Всё происходит само собой в обычных условиях и, конечно же, привычном порядке. Зима, затем – весна, лето, а дальше – всем известно. В общем, всё как обычно.

Обычно – заразное и неприятное слово, глубоко и содержательно характеризующее жизнь практически любого человека. Состояние, которое так щедро преподносит и неприметно навязывает нам существующий уклад. Ловушка под названием «человеческая жизнь».

Но, вопреки *обыкновению*, приятно осознавать, что природе наплевать на законы человеческого бытия. Естество совершенной природы – прелестное чудо. Она и есть чудо. К сожалению, для нас, чересчур уж любопытных приверженцев бессмысленного прогресса (хотя, на эту тему можно поспорить), она превратилась в обыкновенное чудо. Обыкновенное.

И когда, вдруг, наступил тот час, который навсегда превратил «чудо» в «обыкновенное чудо»?

У этого заурядного явления в такой же простой и предсказуемый период наступает славная пора. Всё вокруг просыпается, приходит новый рассвет жизни, по крайней мере, многие привыкли так полагать. Весна.

Сегодня в самый привычный момент, подospel апрель, самый грязный и самый унылый месяц в году, во всяком случае, в Уральском регионе – точно. Спросите любого живущего здесь, какой месяц сопровождается обилием мусора, грязи вокруг, когда невозможно пройти и десяти метров, чтобы не наступить на собачьи мины, и вам ответят: «Конечно, это апрель». Поднявшись утром, умываетесь, чистите зубы, приводите себя в порядок, и за чашкой ароматного чая или кофе (каждому своё) зажигается новый день. Для «обыкновенного чуда» славный промежуток между «поднявшись» и «чашкой кофе» и есть апрель. Но, всё же, каким бы месяц отвратительным не был, именно в эту пору в воздухе ощущается запах жизни, аромат новых, пусть даже маленьких, побед и увлечений; бесстрашных стремлений и идей. Этим апрель и прекрасен.

Для всех этот месяц разный, для каждого свой. Идёт кругом голова и всё как в таинственной сказке – кажется, тебя ждёт впереди, что-то новое радостное такое желанное и приятное, нужно только дождаться, а затем хватать, радоваться и любить. В общем, все хотят счастья, и многие испытывают или с нетерпением ждут своё счастье именно весной. Другие же (таких не мало) прибывают в унынии: тоска съедает их сердца и разум, скука не отпускает ни на минуту, поглощая оставшиеся после долгой зимы частички жизненных сил. Вот он какой: прекрасный окрыляющий и беспощадный эксцентричный апрель!

Природа просыпается, и её частичка (может самая удачная, а может – и нет), называемая человечеством, в предвкушении будущих изменений *по-новому* открывает глаза. За чашечкой горячего бодрящего напитка загорается новый день. Новый свет.

Прислонив голову на не совсем чистое окно, Дима дремал в маршрутке, впрочем, как и другие пассажиры. Автобус совершал по три остановки в течение десяти-пятнадцати минут – вполне достаточно, чтобы каждый присутствующий невольно умудрился, так сказать, попробовал вздремнуть пару секунд. Капелька сна – спасательный круг в океане полного безразличия и равнодушия ко всему, словно занавес, прикрывающий депрессивное состояние. Такая картина спящих приблизительно напоминала пассажиров автобусного рейса «Владивосток-Москва», если такой рейс существует, конечно. Усталые от холодных белил русской зимы, кислые мины на тёмно-сером фоне по-прежнему спящего, но уже приоткрывшего один глаз, окружения. Не сон это вовсе, просто апатия.

Что тут говорить? Весна. Вот и Дмитрий старался не уступать никому в состязании по скорости сна – кто больше поспит.

Сегодняшнее утро для молодого человека началось несколько необычно – банальным не назовёшь. Он проснулся с непривычным чувством внутри, новыми ощущениями, которые в простонародии кличут очень просто «головная боль». Но вся странность состояла в том, что на протяжении всей жизни мигрень всячески обходила его стороной, а сейчас появилась, чем потрясла до глубины рассудка, весьма некстати (всё когда-нибудь происходит в первый раз). Даже после бурных вечеринок в компании друзей или коллег так называемый похмельный синдром отсутствовал в списке утренних принадлежностей, а в это весеннее утро слабая пульсация бесстыдно вломилась в ещё дремлющую голову и крепко вцепилась маленькими холодными лапками.

Боль. Что-то было в ней не так. Плюс, противоестественное (так ему казалось) ощущение внутри, точно свербит сердце.

Окрестить душевной тревогой? Вполне, но скорее – «душевной переменой», поскольку для него изменилось абсолютно всё, только он не осознал ещё этого. Слух, запах, даже зрение стало каким-то угловато-преломленным ... Невнятным, размытым и излишне чётким одновременно.

«У меня изменилась душа» – почему-то именно эта мысль пришла ему в голову, появилась сама собой, словно так и надо. Очутилась в нужном месте и, что бывает не всегда, особенно в последние несколько лет, когда работа превратилась в бремя и стиснула напряжённые мозги, вовремя.

После бодрящего душа он с улыбкой рассуждал перед зеркалом: «А может это игра разума и воображения, почудилось, ведь сейчас самое подходящее время для всякой ерунды – улицы захватила красавица Весна. Вскружила голову и рассеяла пыльцу истомы. Надо сходить в аптеку и купить что-нибудь тонизирующее, да и витаминки не помешали бы».

И, всё-таки, смотря на отражение, Дмитрий Знаков испытывал перемены в себе – окружающий мир воспринимался не так, как обычно (и снова это гнусное «обычно»). Он точно очнулся после глубокого долгого сна, и казалось, всю прожитую жизнь мужчина просто проспал. А сейчас, опомнившись, почувствовал «запах» реального мира, насколько окружающие его предметы отличаются от тех же ранее увиденных «во сне». Вокруг всё яркое, а главное – живое. В новой атмосфере мира, принятого называть «обычным», чрезвычайно мило кружилась голова.

«У меня изменилась душа» – ещё одна верная мысль.

Он позавтракал традиционным бутербродом «чёрный хлеб с сыром», выпил зелёный чай, бегло поцеловал спящую красавицу-жену и помчался на работу. Нельзя опаздывать в предпусковой день – не хорошо будет, не хорошо.

Сейчас он сидел в маршрутке и невольно изображал человека с явным признаком дефицита сна. Наряду с этим, колокольчик перемен не прекращал неприятную трель, как будто в мозгу открылись новые дверки, освобождая спрятанные в подсознании редкостные выдающиеся мысли и рассуждения. Новые мысли, новые умозаключения, новая логика зашелестели в мозгу Дмитрия. Чуждое для него мышление, во всяком случае, чуждое для старого вчерашнего молодого человека.

«Это пройдёт. Так сказать весеннее обострение органов чувств. И всё же, как хорошо! Завтра в отпуск!» – предвкушал он заслуженный, ставший весьма редким в последние годы, отдых.

Мысли путались, перебивали друг друга, зацеплялись одна за другую, даже спорили между собой, а их спор с непрерывной точной мелодичностью поддерживали стуки-дрязги головы о стекло – в России всегда был напряг с дорогами.

Автобус мчался по изуродованной дороге – всюду выступающие чёрные шрамы и ямы упорно напоминали о наступившей весне; его торопливое движение поддерживало игру оркестра одного единственного инструмента называемого «голова-окно». В какой-то миг, то ли впадина на пути попала излишне размерная, то ли повстречалась слишком высокая кочка, как назревший готовый вот-вот лопнуть прыщ на лице дороги (если это вообще можно назвать лицом), Диму с силой подбросило в кресле, и в ответ голова сыграла последний решающий бой. Глухой удар заставил открыть глаза и, наконец, выскользнуть из липких лап сонного царства. Молодой человек небрежно потёр висок и огляделся. Странно, но салон автобуса оказался пустой – никого нет, если не считать толстую кондукторшу.

«И куда подевался народ? Не мог же я всех проспять. Значит, всё же заснул, а не халтурил, как остальные».

Крупногабаритная проводница маршрутки наделила его весьма небрежным взглядом и демонстративно ухмыльнулась, очевидно, намереваясь что-то сказать. От этой усмешки неприятный шелест головной боли только усилился. Дмитрий поспешил ответить беглым равнодушным, не лишённым колкости взглядом и отвернулся, высккивая в окне что-нибудь более интересное, чем невольное лицемерие вызывающей физиономии.

– Ну, чё? (небольшая пауза) Выспался? – с радостной издёвкой, довольно-таки неожиданно, хрипучим голосом прорычала женщина, да ещё так громко, что Дмитрий даже вздрогнул. В обтянутом обильным шумом салоне она будто побоялась, что пассажир её не услышит, и решила раскрыть все возможности своих голосовых измученных сигаретным дымом связок.

Такого неуважительного отношения, такого нахальства в данной ситуации предвидеть не смог бы никто. Тем более, как таковой повод отсутствовал. Может быть, в свои тридцать три года он и выглядел слишком молодым, что друзья порой называли его подростком, в шутку конечно, но ведь это не предлог обращаться с пассажиром поносом бесцеремонных замашек.

Как человек не в меру, может даже излишне, сдержанный, Дмитрий посмотрел на неё, стараясь вложить в свой взгляд максимум равнодушия и не отвечая на хамство, закрыл глаза. Если бы молодой человек носил шляпу, то сейчас не поленился бы натянуть себе на лицо, проигнорировав тем самым толстуху. Но у него никогда не было столь неординарного головного убора, поэтому Знаков просто закинул голову назад и опустил веки. Однако, та упорно не собиралась закончить на этом – она бросила на него новую порцию сиплых нареканий, выплёскивая на «мужчине-подростке», вероятно накопившуюся за долгую трудовую деятельность злость:

– Ты глухой что ли? Ау-у-у! Глухня-я-я!

Вновь это прозвучало, будто женщина норовила переорать пробежавший мимо вагонный состав.

– Точно глухой. Эй, готовься к выходу – твоя остановка. Конечная станция! Всё – приехали, понятно? – вызывающе вставила она и тут же добавила, – Ту-ту-у-у, глухня!

Ужасно довольная собой, совершив, по-видимому, очередной ежедневный подвиг, она коротко и звучно засмеялась. Прокуренный наполненный обнажёнными жёлтыми зубами рот и противный смех смахивали на портрет кричащей обезьяны. Перед ним сидела жирная самка орангутанга (первое, что пришло в голову), наглая охрипшая обезьяна. Судя по документальным фильмам, обрисовывающим дикую природу ближе к экватору, наши вероятные предки именно так и горланят, как эта тётя – громко, коротко и, что наиболее примечательно, очень звонко.

«Все обезьяны обладают врождённым талантом наглости! Я так думаю».

Возможно, женщина-паровоз, которая каким-то невероятным образом умудрялась, не смотря на внушительные размеры, работать кондуктором в тесной маршрутке (в очень маленькой для неё маршрутке), сказала бы что-нибудь ещё, но автобус вовремя остановился, поприветствовав последнего пассажира открывшимися дверями.

Дима встал и, сохраняя безмятежный вид, направился к выходу. И тут его другой новый мозг отдал небывалую для него команду, которая просто не укладывалась в голове. Ясность ума поражала открытой лёгкостью и новизной небывалых ощущений. Включился генератор идей и умопомрачительных мыслей. Ведь сегодня он воспринимал мир по-другому: легко, открыто, естественно и уж никак не «обычно». А всё началось ещё утром в ванной.

«Видимо проглотил немного волшебной зубной пасты».

Весьма успешный сотрудник строительной компании, интеллигентный человек с двумя высшими образованиями (хотя, это вовсе не показатель) остановился и ответил этой неприятной, во всех отношениях, женщине:

– А не могли бы вы пойти в задницу, мадам?!

Подобного он никогда прежде не говорил слабому полу. Чёрт возьми, да ни за что в жизни, и уж тем более, незнакомой женщине. И кто теперь посмеет обвинить его в чересчур излишней сдержанности? Да, никто! Не мог Дмитрий сказать это, поскольку воспитание и склад характера не позволяли так себя вести. Однако сказал, выплюнул слова и сам же поразился.

Его строгие родители в своё время сделали всё, что смогли, чтобы их единственный сын вырос настоящим человеком, воспитанным мужчиной. Но сегодня мир вокруг Димы изменился, приобрёл более реалистичный вид. Головная боль пережила фазу метаморфозы и плавно перешла в нечто особенное. Казалось, окружающий мир перестал угнетать разум и сознание молодого человека, обнажил до сих пор невиданные тайные краски и возможности. Может это и послужило причиной шокирующих слов и позволило произнести Знакову столь непривычную для него, во всех отношениях, фразу.

«А вот и открывшийся от удивления рот кондукторши. Поприветствуйте его!» – как-то по-особенному ликовал внутри себя Знаков.

«Можно положить туда скомканный билетик. Болтается в руке клочок бумаги, а выбросить жалко – вдруг пригодится, для чьего-нибудь рта, например».

И, не упуская времени, Дима..., нет, не подумайте, не бросил ей в рот билет, а просто повторил:

– Идите в задницу, мадам! – и не спеша, вышел из автобуса.

Бранные, доселе им неслыханные, и жутко скверные слова продолжались сыпаться на спину ещё с минуту, пока он не прошёл достаточное расстояние, закрывшее уши от места локации взорвавшейся жирной бомбы.

«Всё хорошо, так нужно. Она попросила, и я дал ей, что просила» – успокаивал он себя.

Наряду с лёгким смятением «что вообще произошло?» и «что вселилось в меня?» состояние невесомости не покидало его. Внутри от приятного возбуждения, от ощущения новых неисследованных возможностей закипал новый человек. Мозг трудился на полную катушку, как будто Димкины нейроны в один миг решили: «Давайте размножаться!» И со скоростью,

свойственной микрокосмосу, приступили к производству новых маленьких нейронов, а те, в свою очередь, других нейронов, и так далее. Они заполнили нервную систему, их стало так много, что эта не запланированная вакханалия нейронов в возбуждённом круговороте мыслей просто разрывала голову Знакова. Разум превратился в машину с неограниченными ресурсами и возможностями.

«Сегодня всё не так как обычно».

Сегодня наступило пробуждение – сон отлепил нелегкое покрывало мутных бесцветных красок жизни и отпустил.

«У меня изменилась душа».

Зачем он сказал этой женщине столь неприятные слова? Да, что на него нашло? К тому же, это абсолютно не приемлемо для него, для джентльмена. Он не мог знать наверняка, да и необходимости в их поиске ответов уже не существовало.

«Ну-у, ничего. Я думаю, она переживёт. От неё не убудет, ведь её так много».

Обуянный собственными размышлениями, молодой человек поспешил на работу. Лёгкое серое короткое пальто и объёмный синий шарф, закрученный вокруг шеи, придавали более чем respectable вид. Он не привык опаздывать туда, где за последние пять лет провёл большую часть своей жизни. Обычной жизни. Дима практически жил на работе, что с достаточной болезненностью принимала супруга, а иногда отказывалась воспринимать вообще. Особенно в те нелёгкие для Знакова дни, вынуждающие оставаться допоздна и возвращаться практически на рассвете.

Он вскинул руку, и обнажённые часы на правой руке напомнили о вероятном возникновении напряжённого разговора с начальником. Его директор Пётр Иванович последнее время был не в духе. Вполне предсказуемо, учитывая очередной, если быть точнее – второй за последний месяц, провал в переговорах с заказчиком. Сказать нечего – меркантильные японцы всё-таки не ухватливые китайцы.

«Гримов не в духе, он в ухе», – как всегда и не без причин шутили коллеги, обсуждая рассерженного босса. В этой дискуссии Дима играл далеко не последнюю роль, скорее ведущую. Его слабостью выступала дурная привычка всячески изображать своего руководителя, не по злему умыслу, конечно, но с толикой сатирической критики-усмешки, которую Знаков старался при любом удобном случае выплеснуть при всех, в том числе и на Гримова. И как всегда все смеялись и с живым задором всячески поддерживали пламя шуток, подкидывая собственные юмористические дровишки. Но, не смотря на это, каждый знал, что Знаков уважает босса и при необходимости сделает для него всё что потребуется, как бывало не раз, выручит в трудных ситуациях. В свою очередь, Гримов мог себе позволить закрывать глаза на шутки Димы, порой даже дерзкие. Он по-отцовски любил его, воспринимал как ценного сотрудника, а иногда как партнёра. Они могли бы стать друзьями, но сложившаяся рабочая иерархия не позволила их дружбе появиться на свет. Как бы не хотел Знаков подчиниться слабости приобрести друга в лице директора, всё же находил силы не переступить черту, за которой ничего хорошего быть не могло. Излишне амбициозный и непомерно консервативный нрав – главная и единственная причина, позволяющая держать дистанцию.

«Уже восемь ноль-ноль, чёрт возьми, а мне идти ещё как минимум десять минут. И почему это я опаздываю?»

Снова странность! Что до странностей, то сегодня они входят в закономерность, разламывая привычный (обычный) ход жизни молодого человека.

«Опаздываю!? Довольно-таки нелепое опоздание на работу».

И, правда, странно – задержка не имеет место в чётко сформированном за многие годы расписании утреннего движения Знакова. Очень необычно.

– Во всём виновата злая мадам-кондукторша, – с улыбкой произнёс он.

Разговор с собой также не имел пункта в расписании и уж тем более не входил в его планы сегодня по одной простой причине, в голове кипела буря неведомых ему мыслей и эмоций. Не отпуская нахлынувшую радость, он повторил:

– Всё из-за неё, блин. Точно.

Особенный апрельский день, во всяком случае, для него – точно. Знаков ускорил шаг – очень не хотелось опаздывать в предотпускной день. До здания офиса оставалось одолеть последний перекрёсток, когда он увидел впереди движущийся навстречу грузовик. Обычный грязный автомобиль марки «Камаз» – ничего особенного. Двигался по своей полосе, не так уж и быстро, километров сорок, может пятьдесят, в час. Ничем не приметная техника красно-оранжевого цвета (по-видимому, любимый у производителей), не спеша приближалась. В любой другой день Дима даже не обратил бы на внимание, но внезапно нахлынувшее беспокойство заставило его остановиться. Взгляд сразу же зацепился за водителя – человек за рулём показался каким-то неестественным.

Порой в жизни любого человека ассоциации, возникшие на невнятное увиденное, первыми пришедшие в голову, бывают очень смешными и глупыми, а иногда, но не всегда, их трудно объяснить даже самому себе. Почему «тогда-то» я, вдруг, решил что это «то-то»? Или «почему именно оно»?

Первое, что шустрым воробьём залетело в голову Знакова: «В машине актёр, исполняющий роль дьявола, и он сбежал с театрального представления». Смешно!

Как бы глупо не звучало, но сегодня ход его мыслей был охвачен бесконтрольным течением невообразимого воображения.

Яростное, исполненное дикой ненависти лицо мужика, сидевшего за рулём огромной машины, сразу же притянуло внимание. Иначе быть не могло, поскольку нелепость ситуации не просто шокировала – Знаков, вдруг, почувствовал беду. Серая с нашлёпками выпуклых щёк гримаса демонстрировала злобное презрение. На какое-то короткое мгновение Дмитрию показалось, что это всего лишь игра его воображения или некий обман зрения, вследствие, может быть, искажения или какой-нибудь кустарной тонировки лобового стекла автомобиля.

«Лобовуху не тонируют»

Прищурившись, чтобы придать остроту зрению, Дима замер. Его мозг не нашёл полочки для той информации, что передавали глаза. В обычной жизни такого не увидишь, по крайней мере, ему уж точно не приходилось. Нечеловеческое лицо с неестественной жесткой ухмылкой смотрело чуть в сторону (и, слава богу, не на него) – бесспорно водителя ничуть не интересовала дорога. Чёрные матовые глаза, чуть сдвинутый вперёд и в сторону подбородок, и пятнисто-серая туманно выраженная, как в дымке, кожа – всё это говорило, что в грузовике не человек, а чёрт знает кто или что.

Дмитрий Алексеевич не был суеверным человеком, не верил во всякую ерунду, ежедневно засоряющую головы людей по телеканалам разного рода шоу типа «Сверхъестественное рядом с нами» или «Вызови духа и поговори с ним», но сейчас толкование происходящего в его рассудке куда-то запропастилось. Мало того, что каких-то пару часов или того меньше мир с лихой неожиданностью, вдруг, приобрёл радость невиданных им красок, так тут ещё это. Если допустить хоть малую заинтересованность молодого человека в подобного рода передачах, то следующим героем шоу «Я видел нечто и хочу рассказать об этом», наверняка бы, стал он. С округленными до ненормальных размеров глазами мужчина повествовал бы историю о том, как за рулём «Камаза» видел существо, отдалённо напоминающее человека (но сейчас эта мысль не веселила его).

«Словно в маске», – подумал Дима. – «Живая маска».

– Да что за фигня? – чуть слышно выругался он. Может водитель и услышал его (хотя представить шёпот, заглушающий грохот десятилитрового двигателя, просто невозможно), а может просто краем глаза затронул застывшую фигуру Дмитрия, но в тот же миг суще-

ство-актёр повернул голову в его сторону. Холодный пот пробился сквозь кожу по всему телу, колючей волной пробежали мурашки. К великому ужасу ему показалось, что так оно есть – человек услышал его, правда их разделяли десятки метров.

«Не человек» едва взглянул на него с той же злобной ухмылкой и повернулся обратно. Видимо в той стороне были вещи поважнее – то, что нельзя упускать из виду. «Сбежавший актёр» явно вжился в свою роль, о чём свидетельствовала неизменная злобная физиономия.

Новый мозг крикнул хозяину: «Сейчас будет... плохое. Очень плохое». Сердце с бешеным забарабанило в грудь, предчувствие беды набирало рост, а чудные мысли интенсивнее забегали, пустились в неистовую пляску. Знаков сразу и не сообразил, куда направил недобрый взор водитель. Лишь когда «Камаз» резко нырнул влево, с трудом вписываясь в поворот, молодой мужчина, жизнь которого этой весной в корне изменится (просто он этого ещё не знал), всё понял. Осознание происходящего, в особенности то, что должно случиться сейчас сию же минуту молотом ударило по башке.

«О, нет?! Так не должно ... произойти», – слова не находили нужных объяснений.

Водитель надавил на газ, и машина заревела, будто набросившийся на жертву дикий зверь. «Живая маска» растянула губы в кольцо, обнажая пустой и почему-то беззубый рот, а беспросветные чернее ночи глаза в безумии приближающейся агонии бросали в дрожь.

«Сейчас он, наверное, хохочет или, точно в помешательстве, кричит» – представил Дмитрий и даже, как будто бы, услышал крик в своей голове. Злобный животный рык.

Не сбавляя скорость, красно-оранжевый грузовик, как снаряд въехала в стоящих на остановке людей, разбрасывая по сторонам, словно кегли, оставляя за собой жёваные тела и размазанные пасты тех, кто раньше мог ходить по земле. Отдельных несчастных вышвырнуло на дорогу, где другим автомобилям, не сумевшим вовремя затормозить, невольно пришлось завершить дьявольское дело. Просочившись сквозь толпу и минув ещё с десятков метров, машина на ходу немного накренилась и по пути зацепила ещё несколько несчастных. «Камаз» с грохотом подмял устроенный вдоль дороги навес и врезался в забор. Кабину тут же смяло, как консервную банку, и грузовик подбросило. Обезумевший дикий зверь взвыл, опрокинулся набок и навсегда затих.

Тишина. Зловещая тишина.

Секунды бесконечных мыслей превратились в вечность, которую, как в замедленной плёнке, сменил отчаянный вопль. Кричали прохожие, когда как чудом уцелевшие в шоковом состоянии не понимали, что происходит и просто молчали. Они словно нырнули в параллельный мир, начисто лишивший их ощущений реальности. Маленькая девочка лет пяти с пятном грязи на голубой шапочке сидела на асфальте и пытливым взглядом озиралась по сторонам. Она попробовала встать, но не смогла – детское сознание, казалось, нарочно занимает ребёнка несуразными действиями, отвлекает хрупкую душу от действительности, закрывая отсутствие одной ноги, тогда как вторая напоминала вывернутый штопор. Мужчина в синей куртке возрастом чуть старше Знакова обеими руками держался за горло с торчащей между багровыми пальцами арматурой от ограждения, на которую насадил его дикий зверь. Перебираясь на четвереньках, женщина с висящим шматком волос кружилась на месте. Дрожащий сиплый голос звал Андрюшу, исцарапанные ладони и изодранные колени, оголённые в тех местах, где минуту назад были колготки, топтались по размазанному на асфальте телу своего отпрыска Андрея. Куча слепленных тел образовалась в углу металлической коробки, в которой ежедневно терпеливо и без страха за свою жизнь пешеходы ждали нужный автобус. Словно кильку, железный монстр уложил их в консервную банку.

Перед Знаковым возникла картина настоящего ада.

Сковал УЖАС.

Вокруг уже собирались невольные свидетели происшествя: кто-то тут же бросался на помощь, а некоторые подходил просто поглазеть. Многие очевидцы в попытке дозвониться

и вызвать помощь хватали сотовые и трясущимися руками тыкали в них. Груда несчастных со скрипом отчаянной боли зашевелилась, и в скопище переплетённых человеческих частей появились обезумевшие глаза. Медленные тяжёлые движения конечностей только прибавляли жути, превращая гору тел в некое подобие чудовища.

В беспорядочной суете, люди стали только мешать друг другу – желающих помочь значительно прибавилось, даже слишком. Крики, ужас, страх и тех и других – всё смешалось в бесконечном жутком зрелище. «Параллельный мир» проглотил всех.

В какой-то миг Дима вышел из оцепенения. Он хотел было броситься на помощь, но странное ощущение многотонного груза за спиной на время сдержало нахлынувший порыв. Преодолевая действие туманного поля, ноги с трудом повели к искорёженному автомобилю – на ватных конечностях он направился через дорогу к мёртвому металлическому зверю. Вновь заболела голова, стянутую магнитом грудь потащило вперёд, а демоническая роль виновника беды не покидала разум.

«Как такое может быть?»

Немного сбавив шаг, Знаков крался к остаткам автомобиля, словно боялся, что зверь вот-вот проснётся и набросится на него. Но монстр был мёртв. Дмитрий приближался всё ближе и ближе, и каждый шаг давался всё труднее и труднее. Аффективный мир размытых иллюзий одновременно сдерживал и притягивал.

«Ничего хорошего я там не увижу».

Но параллельный мир считал иначе. Новый шаг, ещё один. Он должен, он обязан.

«С чего бы, вдруг?»

Нужно убедиться, что глаза не подводят и ... На языке завертелось:

«...и головная боль ни при чём»

Удостовериться, что не показалось, и за водительским креслом действительно сидел человек в гриме или маске. В маске или гриме. Или...

«Да хоть кто, чёрт побери!» – выругался про себя Дима.

Весьма не подходящий и в то же время вполне обусловленный (правда, он не мог понять, почему с такой лёгкостью воспринимает их, как должное) ход мыслей наводил жути:

«А кто тогда, если не человек?»

Определения были излишни, да и совсем не нужны. Сама суть допустить такие мысли и принять их – невероятно и странно. Что до странностей, то сегодня они приобретают закономерность. И, конечно же, немислимым казалось предположить такое, но Знаков полагал именно так. Ко всему уразумению ещё и был уверен в этом.

Едкое предчувствие, подобно страху остаться в клетке со зверем, вновь захватило его – невидимый монстр стиснул грудную клетку и не отпускал. В густой туманности переплетающихся мыслей шаг за шагом Дмитрий крался к изуродованной кабине, не замечая несмолкающих вокруг криков. Грудь разбивал готовый вот-вот выскочить мотор – бешеный ритм пробивался сквозь рёбра.

Раздался хруст: остатки разбитого стекла рассыпались как раз в тот момент, когда Знаков практически приблизился к голове автомобиля. Неожиданный звук заставил его вздрогнуть, чем прояснил сознание, высвободив из мутного облака безмолвного кошмара. Дмитрий заглянул вовнутрь – ничего не разглядел. Это довольно-таки странно, учитывая, что водитель просто никуда не мог деться – приплюснутая, чуть больше с правого бока, кабина прижималась к высокому забору. Ему даже подумалось, что водитель каким-то невероятным образом исчез.

«Никого».

Ледяная судорога пробежала по телу, когда прямо перед глазами промелькнуло что-то багровое, заставив Диму тут же отстраниться. И как это он не заметил его сразу? Совсем рядом, в каких-то сантиметрах от лица, выскочила и замерла голова. Залитые кровью (и чем-то ещё, напоминающим желе) глаза человека уставились прямо на него. Правая половина раздроблена:

глазное яблоко приготовилось выпасть из глазницы, свисающая лохмотьями щека болталась, как ненужный элемент, а раздавленный нос торчал вверх. И, всё же, лицо напоминало о том, что совсем недавно это был человек, не гримированный «чёрт знает кто». Человек? Да, человек. На Знакова смотрел человек.

«Где грим, где маска?»

В застывшем теле гасла жизнь. Ускользали последние секунды вдоха, и в окаменевших холодных глазах Дмитрий разглядел мольбу. Оставаясь неподвижными, они просили, они рыдали, они кричали. Изуродованное многочисленными переломами тело водителя с жадностью проглатывало последние секунды жизни и медленно умирало. Знаков почувствовал его страх, немые муки и страдания. Меркнущие глаза смотрели на него, просили его, просили... простить.

«Человек».

В эти безмолвные секунды Дмитрий обнаружил для себя, что совсем не испытывает ненависти к нему. Напротив, ему было жаль водителя, не смотря на то, что тот натворил. Снова странность?! Что до странностей, то сегодня они приобретают закономерность. Мысли вновь обернулись вопросом:

«Где же маска?»

А в ответ:

«Это обычный человек. Человек».

Будто заговорённый, в безгласном порыве сострадания Знаков протянул руку к разбитому стеклу и кончиками пальцев прикоснулся к лицу:

–Что же произошло? Что же здесь произошло?

Только кровавая, но всё-таки человеческая, маска не ответила – из глубин тающих глаз уходила душа. Зашумели мысли, и опять дурное предчувствие, только на этот раз намного сильнее. Крайний, неудержимый страх связал тело в тугой парализующий узел.

По затылку буквально шлёпнул холодный ветер, и в тот же миг слабая давящая боль проткнула спину. Скверное ощущение преследования, словно, кто-то наблюдает за ним сзади, враждебный сильный ненавистный взгляд пронзил нутро и заставил сжаться сердце. Нечто подобное, но не настолько насыщенное, Дмитрий испытал совсем недавно, когда увидел управляющую железным монстром живую маску.

Знаков обернулся: никого, только три молодых парня бежали в сторону остановки, видимо на помощь пострадавшим. В грудной клетке стылым комом застрял вдох, лицо карябала невидимая ненависть, готовая вот-вот содрать кожу и проникнуть внутрь. Воздух стал густым, в нём присутствовал запах злобы, и её источник был где-то рядом.

«Похоже, сегодня мне мерещится всякая ерунда» – попробовал успокоить себя Дима, но за видимой картиной фальшивого благополучия явно присутствовало нечто. Что-то все же не так. Он ощущал холод, испытывал, как чужая ярость проникает во все клетки тела и сжирает их – каждая частичка переживала присутствие дурного. Его глаза, уши, нос, кожа несли ему маловразумительную информацию, которая никак не определяла действительные ощущения – Дмитрий не мог понять, что именно чувствует. Он смыслил, что подлинно видит что-то, но вот что именно, никак не приходило на ум.

Запах. Терпкий необычный запах, словно дух сырого металла, внезапно ударил в нос. Слабые прикосновения ненависти и опоясывающий холодный страх обняли тело. Но с чего, вдруг? От ядовитых невидимых касаний содрогнулась кожа, и волна ноющей боли пробежала от головы до ног. Что это?

«Что?»

Послышался вой сирен приближающихся машин скорой помощи, и тут же Знаков увидел то, что окончательно привело молодого человека в ужас. Среди деревьев, позади спешащих людей, возникла неподвижная тень, напоминающая слегка размытый силуэт человека. Вместо

того чтобы, как и полагается лежать на лужайке, она висела вертикально в воздухе, будто кто-то прилепил её к картинке с изображением улицы. В мутной серой пелене возникшей из неоткуда тени Дима разглядел чёрные, точно дыры, большие глаза и не многим меньше открытый круглый рот.

Но весь кошмар, опоясавший молодого человека с головы до ног, состоял в том, что это был тот, кто с мимолётной глупой внезапностью и столь же стремительной дикостью (сминая человеческую плоть) напомнил ему театрального героя. Это был он. Сомнений не возникало: всё та же неистовая ухмылка, тот же грим, от которого застывает сердце. Холодный бездушный взгляд наряду с безудержной искренней радостью и ликованием в кривоватой округлой полости, которую лишь по расположению можно обозвать ртом.

«Это он»

Враждебный взгляд вгрызается Дмитрию в лицо – ещё чуть-чуть и голова даст трещину, и на мелкие кусочки, к чёртовой бабушке, разлетится напряжённый до предела разум.

«Это сон» – подкралась наивная мыслишка, – «точно сон».

Слишком ярко и, в то же время, весьма просто наступает этот весенний день, а «параллельный мир», плотным туманом обтянувший ту часть тела, которая совсем недавно могла не только думать и ощущать реальность, всё ещё властвовал. Муть заполонила всё вокруг – нет больше того света, что вливался в глаза Димы – настал совершенно другой мир.

Ещё один короткий миг немого поединка и серая тень нырнула в сторону – на картинке исчез лишний мазок – растворилась, словно дым, и, как по заказу, неистовая игра чувств тут же прекратилась, оставив пьянящий головокружительный след. Исчез страх, прихватив с собой мерзкое ощущение проникновения – «параллельный мир» отступил. Испарилась боль, по жилам растеклось тепло, и бездушные нити серой паутины, связывающей рассудок и то, что называлось (или могло называться) тенью, тут же испарились. Пропала мозговая муть, и лишь слабый запах протухшего металла в носу напоминал, что для Знакова реальность отнюдь уже не та.

Что же это? Галлюцинация? Видение? Едва ли что-то из них. Тогда, какого лешего здесь происходит?

«Сегодня не мой день» – выругался он и повернулся к остаткам грузовика. Застывшие глаза теперь (как первоначально и должно быть) напоминали стеклянные кукольные пуговицы – из них уже ушла жизнь. Несчастный умер. Покинул мир вслед за теми, у кого только что посмел отнять жизни.

«Человек без грима. Живая маска»

Крутились и переплетались ошалелые мысли. Сейчас они напоминали рой разъярённых пчёл, набросившийся на незваного чужака. Идеи, невероятного содержания просто потрясали сознание, но потеряв единственную нить, связывающую их с памятью, тут же бесследно исчезали, так и не заняв законные ячейки в голове. Они многое разъяснили, разжевали, казалось бы, немислимые на первый взгляд, вещи и тут же посмели забрать их назад.

Словно в бреду окоченели вечные секунды умопомрачения. Ещё короткое мгновение и они ожили, отпустив время вперёд и растворившись в его течении – ясный рассудок вновь возвратился на место.

Дмитрий повернулся к водителю. Он не мог понять, почему ему было жаль этого человека. Навряд ли совершить подобное деяние, которое с трудом укладывается в голове, мог нормальный человек (с живой маской на лице). Десятки жизней на совести того, кого теперь после всего случившегося почему-то искренне жалко. Не нужно ничего объяснять – чувства высказывают свою позицию, и этого достаточно, по крайней мере, сейчас.

«Там в машине был... не он»

Уверенность в этом была настолько сильной, что не вызвала никаких сомнений.

– Ты не мог сделать этого, – обратился он к бездыханному телу хозяина железного зверя, – не мог. Я знаю.

Тогда кто?

«Это был кто-то другой.»

Дима встал, огляделся, с тревогой ожидая вновь увидеть холодную тень. В беспорядочном волнении глаза обшарили каждый уголок местности, зацепили и прощупали каждого человека, но ничего необычного не нашли. А чего он ожидал? Увидеть его или, может, ещё что?

В безмолвном ступоре молодой человек простоял ещё с десяток минут, по завершению которых чувство тревоги окончательно испарилось, от страха не осталось и следа, а запах, хоть и последовал вслед за ними, навсегда остался в памяти.

Странные вещи творятся вокруг, странные происходят изменения. Не удивительно – сегодня они приобрели закономерность, и течение судьбы не остановить.

К сожалению или к счастью, Знаков ещё не знал, что в его жизни перемены только начались.

– Милый! – она любит называть его так. Очень просто и банально, но из её уст это слово больше, чем просто «милый». Она любит его, и он знает об этом. – Милый, там, в комнате на столе тебе письмо!

«Сладкий голосок! И как же я люблю его!»

– От кого? – поинтересовался он, растирая полотенцем короткие волосы. Вечерний душ – неотъемлемая привычка с детства, которую он бережно сохранял.

– Я не знаю. Из налоговой! – брызнула она в ответ бородатой шуткой и хихикнула.

– Ну, да! Очень смешно! – улыбнулся он и тут же представил довольное растянутое в хитрой ухмылке лицо супруги.

Прошёл в комнату: небольшая коробочка, лежащая на журнальном столике мало, чем напоминала письмо, скорее – презент. Отличающаяся непримечательным матовым цветом, без всяких излишеств в виде рисунков и узоров, но весьма оригинальная чёрная упаковка могла означать только одно – есть повод для размышлений. Какой сегодня день? День, как день – таких сотни. Конечно, он понимал, что причина столь неожиданного подарка всё же существует и, соответственно, сегодняшний день просто не может быть обычным, иначе как ещё объяснить приятную коробочку.

Губы растянулись в счастливую кривую линию, изображая внезапно нахлынувшее счастье, и, казалось, догадка вот-вот посетит голову и разжует наименование праздничного дня, но чем глубже Дмитрий уходил в дебри памяти, тем больше понимал, что понятия не имеет, в чём смысл. Несомненно, повод есть, только какой?

Исполненный наплывом таинственной радости он присел на диван и взял коробку. Повертел в руках и, словно свершил какой-то ритуал с набором магических движений, тем самым породив разумную мысль; причина появления сюрприза, вдруг, возникла сама собой. Однозначно, сегодня хороший день (и как он умудрился забыть?) – прошёл ровно один год, как пост заместителя директора строительной компании «Уралстрой» не просто отыскал нового хозяина, а изначально был создан именно для Знакова. Правда, для него это не было таким уж значимым достижением – он всегда любил свою работу и практически всегда находил с ней общий язык.

Супруга гордилась мужем, как могла поддерживала его в нелёгкие дни и, конечно, дарила вот такие подарки. Неожиданные и крайне своеобразные. Это были не просто подарки – до безумия приятные сюрпризы, и постоянно в дни, каким-либо образом связанные с его работой. Будь то удачная сделка, повышение зарплаты или ещё что. На объектах приходилось проводить

слишком много времени, поэтому его работу можно было смело называть «жизнью». Отсюда и имена сюрпризов Мирры: «С повышением», «Удачный день для любимого», «Для моего единственного любимого строительного гения» и так далее. Всё о работе или каким-то образом связанных с ней событиях. Вот и сегодня миновал год как он стал правой рукой босса, и она опять сделала ему подарок (мило удивлять – её исключительная особенность).

Дима с трудом развернул старательно приклеенную на скотч упаковку (о чём свидетельствовали многочисленные наклеенные всюду вставки из прозрачных кусочков) и, радостно причмокивая, с предвкушением эмоционального наслаждения извлёк бордовую коробку. Естественно и как всегда Мирра попала в точку – такого презента он не ожидал.

Стильные часы фирмы «Маджести» в матово-серебристом корпусе с бледно-золотыми стрелками и выгравированными под старину цифрами выглядели роскошно. Последний раз Знаков носил часы ещё в подростковом возрасте, которые имели дурную привычку, видимо как у всех детей (во всяком случае у многих), ломаться или куда-нибудь бесследно пропадать. На четвёртом по счёту наручном приборе времени, совсем случайно утопленном в речке во время очередного каждодневного путешествия на плоту, и закончились попытки носить часы. С тех самых пор он даже не пытался приобрести часы, не испытывал необходимости.

Как замороженный он смотрел на совершенный, стильный корпус суперподарка, и не сдерживал нарастающую искреннюю радость.

«Вот это да!»

В спешке, будто в окружении толпы норовивших лишить сюрприза воров-карманников, он надел часы на правую руку (выбрал интуитивно и почему именно правую, сказать трудно). К образу делового человека, кем Знаков и являлся, они, бесспорно, подходили на сто процентов.

В порыве охватившего счастья, как маленький ребёнок, он вскочил с дивана и помчался на кухню. Домывая последнюю тарелку, в коротеньких шортиках и майке Мирра стояла у раковины. В переполненную детской радости грудь нахлынуло сильное чувство любви, и Дима нежно обнял жену. Руки проскользнули под тоненькую ткань майки и пустились выше, не пренебрегая возможностью потрогать за грудь.

– Я люблю тебя! – вдыхая аромат её кожи, Знаков осыпал шею поцелуями и прошептал, – Спасибо, любимая! Это самый ... самый подарок.

В том и был весь Дмитрий – скуп на слова (любые слова), но щедр на проявления нежности.

– Тебе понравилось?

Подобными сюрпризами она не стремилась показать ему, как сильно любит его (во всяком случае, ей так хотелось думать). Она просто любила его, неподдельно всей душой и телом. Подарки любимому мужчине для неё носили больше прозаический характер, нежели средство для ответных восторженных эмоций. Вот такая вся Мирра: открытая живая и жаждущая неподдельной любви. Вручив очередной презент, в то же время она могла заниматься домашним хозяйством и не ждать (ну, это уже не без лести будет сказано) ответной реакции. Ей безумно приятно делать ему приятно – просто идеальная прихоть человеческой души.

– А ты как думаешь? Да я в восторге!

– Правда? – ещё одна примечательная особенность половинки, подобным вопросом невольно удовлетворить своё сердечко. Это, уже ставшее для него заурядным и таким родным, слово «правда?» – реакция, требующая немедленного подтверждения. Мол, «ну скажи ещё раз, что ты счастлив. Скажи, и тогда буду счастлива я»

– Конечно, – воскликнул он и, скорчив гримасу удовольствия, тут же добавил, – сейчас кончу!

Мирра хихикнула, повернулась и нырнула к нему в объятия. Губы встретились в поцелуе – в их отношениях страсть до сих пор господствовала и процветала.

– Какой ты у меня всё-таки дурачок! Одним словом – балбес, – вновь хихикнула она. – Балб-е-е-ес!

– Ну и что? Зато я тебя люблю! И-и-и... получается, что твой балбес, – заключил Дмитрий и попытался состряпать серьёзный вид, правда весьма не удачно – задранные вверх уголки рта никак не желали опуститься. – А ты, стало быть, любишь балбеса!

– Не люблю, а обожаю! Так обожаю, что охота сделать тебе больно! – и она громко засмеялась, тыча кулачками в бока Знакова.

«Они просто великолепны» – подумал он, но вслух не сказал, – «как и ты»!

Она взяла его руку и взглянула на часы-сюрприз, затем насупила бровки, смешно сморщила курносый носик и потянула к нему выпученные губки. Дмитрий чмокнул в ответ.

– Я искала тебе подарок...

– И когда ты всё успеваешь? – оборвал он её.

– Много будешь знать... – снова хихикнула она и ткнула ему пальцем в живот, заставив Знакова засмеяться.

– Всё-всё! Я понял, не туплю.

– Искала тебе подарок и нашла их в одном магазине, – продолжила супруга. – И как только увидела их – сразу влюбилась. Они примагнитили мой взгляд и не отпускали до тех пор, пока продавщица не заговорила со мной. Уже тогда я поняла, они просто созданы для тебя, и они ждали меня. В единственном экземпляре, представляешь? Таких больше нет, и в магазин привозили только один образец. Это он. Тебе, правда нравится?

– Мирра, эти часы охрененные, – воскликнул он на её очередное «ну скажи ещё раз, что ты счастлив. Скажи, и тогда буду счастлива я» и вставил, – как и ты.

Знаков ещё сильнее прижал её к себе и поцеловал в глазик, затем в другой, не оставив без внимания нос и спустился ниже к губам.

– Спасибо, любимая моя! Мне они понравились, очень.

И он нисколько не лгал.

Она зачастую не выходила из его головы – мысли, будто сами притягивали воспоминания. Он думал о ней, и ему нравилось представлять её синие глаза, белокурые волосы, красивое тело и ангельский голосок. Последнее время приятные блики памяти о ней всё чаще пленили его рассудок. Как влюбившийся до беспамятства школьник, он не мог думать ни о чём другом, только о той, что счастьем озаряет его жизнь.

Вот и сейчас он обнаружил, что опять непроизвольно провалился в сладостные образы. Хотя это не приносило неудобств – всё же лучше, чем слушать одно и то же на утренних ежедневных совещаниях. Лучше думать о ком-нибудь (или о чём-нибудь) более приятном, чем о проблемах на работе. Вот только подобные провалы в последнее время стали проявляться всё чаще. К чему бы это? Порабощённый хронической усталостью организм, наконец, не выдерживает наплевательского отношения и заявляет о себе?

Сейчас всё его внимание поглотили наручные часы, которые зашвырнули мозг в очарование славных воспоминаний. Он любил этот сюрприз-подарок, бережно относился к нему и ужасно боялся потерять, как бывало в детстве не раз. Уже четыре года хранил на сердце тот день, когда Мирра преподнесла их. Буквально сразу же они обрели определённый смысл и стали талисманом. Он считал, что такое значение подарку даровал не он – судьба нарекла подобным содержанием и наделила смыслом. Как и всё в этом мире.

«Часы счастья», – говорил он в те минуты, когда любовался ими в очередной раз.

– Дмитрий Алексеевич, – голос босса заставил выйти из архива памяти и отбросил в реальность. – Дмитрий, у меня такое впечатление, что ты не слушаешь меня?! Опоздал, чуть ли не на час, да ещё позволяешь себе летать где-то в облаках.

Возмущённый Гримов выдержал короткую паузу и спросил:

– Всё нормально?

Пётр Иванович Гримов с неприкрытым беспокойством смотрел на Знакова, одновременно, отдавая пухлые руки во власть незаметной только для него привычке чесать свой небритый подбородок. Другие участники завсегдатаи утренней планёрки проявили любопытство и сейчас сосредоточили всё своё внимание на Знакове. Здесь присутствовали многие, но особыми (наиболее яркими представителями организации) были Федя-деревоза, Маша-кармаша, и конечно, Женю Иван – сила мысли. Ваня по своей природе страсть как любил умничать, поэтому за глаза, а кто был посмелее – прямо в лицо, его называли зануда-умник. Федя же (официально Фёдор Амирович) тупой как дерево, но мужик не плохой, решительный и хватистый. Может быть оттого и занимал должность руководителя снабжения. Что же касается Маши, то – просто Маша-кармаша. Марией Михайловной её никто никогда не называл, поскольку внешние данные, в которых с трудом различишь взрослую женщину, особенно сзади, не позволяли такой роскоши. Да ещё и, ко всему прочему, высокий (даже слишком), больше походивший на детский, голосок незамедлительно вносил весомое дополнение, которое буквально возбуждало относиться к ней всерьёз. Однако, бухгалтером в не очень крупной, но достаточно известной, компании так просто не становятся. Умная и ещё раз умная, даже чересчур – вот и вся Маша.

В свою очередь в этом непросто коллективе Дмитрий носил кличку «Дайм», которую, спустя год после образования, совсем случайно, ему сообщила Маша-кармаша. До неё никто этого не сделал – подходящих ситуаций не было. Несколько потрясенный Знаков, конечно же, долго не мог свыкнуться с мыслью о наличии прозвища (точнее – о его длительном существовании), но, как человек во всех отношениях сдержанный и адекватный, принял его как должное, тем более, оно совсем не обидное. Впоследствии, кличка даже понравилась ему, и, где-то в глубине души, мужское самолюбие жаждало, чтоб его почаще так называли. Вот только в обращении никто и никогда не употреблял данное прозвище, лишь в исключительных случаях проскакивали подобные слова и то в порыве дружеских пристрастий на корпоративах. Не простой коллектив, не простые люди, не простые отношения.

Сейчас все глазели на Диму – интерес к весьма непривычному поведению коллеги добавил новизны и разбавил скучные совещания.

– Всё нормально? – повторил босс.

Знаков тяжело вздохнул, погладил талисман, и, продемонстрировав нахлынувшее раздражение, мол «как же вы меня все заколебали», всё же ответил:

– Ага, – даже чуточку глуповато прозвучало.

Гримов стряхнул озабоченность с небритого лица и немного смягчил тон:

– Я думаю, ты хочешь объяснить нам, что же заставило тебя опоздать сегодня? Не подумай ничего такого – я не цепляюсь к тебе. Просто это довольно-таки удивительно и непривычно. Всегда приходил вовремя, а сегодня...

– Всё в порядке, – небрежно оборвал его Дайм.

– Тяжёлая ночь? – Маша вечно отличалась своим любопытством и неординарными вопросами, порой даже шокирующими.

– Я бы сказал тяжёлое... отнюдь невесёлое утро, – уточнил Знаков, не отрывая зависший на подарке жены взгляд.

– Да какое у тебя может быть трудное утро? – лихо подал голос Женю, – ты же не паришься в пробках, у тебя и машины то нет.

Его лицо исказилось в злой усмешке, всем своим видом демонстрируя удовольствие от собственного остроумия. Это был очередной укол в сторону Знакова. Между ними уже давно родилась неприязнь друг к другу, которую Дмитрий старался не выставлять напоказ, что не скажешь об Иване. Острым словком зануда-умник всячески стремился зацепить любого, впрыснуть инъекцию неприязни и наблюдать, лишний раз съязвить и задеть за больное место, а Зна-

кова – тем более. И дело вовсе не в том, что однажды между ними, может быть, пробежала кошка. Нет. Просто Женов был тем, кем был от природы. Зачастую таких называют нехорошими словами, и здесь исключений быть не могло. Сложную, нередко циничную, натуру никто не любил – для всех он был враг номер один – и до сих пор коллектив теряется в догадках, почему Гримов держит его. Значит – нужен.

Дима промолчал. Он не водил автомобиль уже много лет. С его-то весьма неплохим доходом он бы мог позволить себе любую иномарку (в пределах статуса, конечно), но молодой человек панически боялся управлять техникой. Ещё в подростковом возрасте, прихватив лучшего друга Лёху, он втайне угнал у отца новую «шестёрку». Так... покататься и усмирить пылкое юношеское любопытство. Набрал немалую скорость, на первом же повороте машина вылетела в овраг. Дмитрий чудом остался жив – ни одного перелома, лишь пару ушибов. Только его сообщник Лёха с третьего подъезда, который по стечению обстоятельств связался с ним тогда, попал в реанимацию. Впоследствии мальчика заново учили говорить и ходить – сильнейший удар о лобовое стекло оставил дыру в голове и не прошёл без следа. Одиннадцатилетний виновник понял тогда, что на нём и только на нём лежит ответственность за случившееся. Неокрепшая детская психика ещё долго пребывала в потрясении, которое в будущем исполнило отрицательную роль.

«Ваш мальчик родился в рубашке», – говорили тогда врачи его родителям, – «что не скажешь о его друге». Происшествие настолько врезалось в сознание и запечатлелось в памяти ребёнка, что детский разум дал трещинку и напрочь отбил желание садиться за руль. Об этом знали все, и Иван – не исключение.

– Ужасная авария... произошла недалеко отсюда, и я был там. Стал случайным свидетелем.

– Да, да! Я видел, когда проезжал мимо. Это на Багратионовской улице, – пропищал Федя, не разумея, что таким образом признал своё опоздание на работу. Что-что, а дисциплину Пётр Иванович боготворил, и порой до фанатизма. Она была его страстью и единственной любовью, после супруги конечно. Поэтому каждый стремился соблюдать установленный порядок вещей – ведь никому не хочется попадать в немилость шефа.

– И что же там произошло? – выпучив свои маленькие, как и всё остальное, глазёнки, снова любопытствовала кармаша.

– Да там вообще жопа, – неожиданно громкий писклявый голос Фёдора ударил по барабанным перепонкам находящейся вблизи Маши, вынудив её отстраниться. Эта сидящая рядом друг с другом парочка, смахивала на брата с сестрой. Оба маленькие и щупленькие, да весьма тонкие голосочки были чем-то схожи.

– Ты орёшь зачем? – возмутилась Маша.

– Он не орёт, он пищит! – засмеялся Иван.

– Гы-гы! Как смешно!?! – передразнил Федя, но высокий голос напомнил возмущения ребёнка, чем вызвал очередную порцию злорадного смеха умника.

– Ну, хорош уже, – прервал поток словесного поноса Пётр Иванович. – Что за базар вы развели? Взрослые люди собрались...

– Только по паспорту, – бросил Женов и снова удлинил губы.

– Что произошло, Дима? – вопрос директора прозвучал по-отцовски, с заботой. Гримов хоть и был из числа людей «кому за пятьдесят», но с годами только набирал скорость, ни на йоту не желая приписывать себя к старикам. Ко всему прочему, порядочность и справедливость обязательно на первом месте, и за это его уважали. В свою очередь, временами излишне строгий, но абсолютно беспристрастный, он относился к подчинённым (ко всем без исключения) с частицей родительской заботы.

– Камаз влетел на остановку и снёс десятки людей, – в этот момент глаза кармаша, казалось, пожелали выпрыгнуть, – такую картину ранее видеть не доводилось...

Молчание – информация не поддавалась моментальному усвоению. Секундная пауза превратилась в безмолвную стадию ожидания.

Что-то негромко щёлкнуло в голове, оставив осязаемый след на затылке. В абсолютной уверенности увидеть, может быть, упавшую книгу, которая слетела с полки, или ещё что, Знаков тут же обернулся. Получилось довольно-таки быстро и весьма неожиданно для всех, и, если бы не пугливый взгляд, который только прибавил всеобщего замешательства, то внезапный резкий поворот головы вполне сошёл за нервный тик. Необычное поведение коллеги, наконец, разрушило затянувшуюся тишину.

– Дмитрий, ты чего? – на сей раз в вопросительной форме вылупились не только Машины глаза, но и губы.

– Безусловно, день начался неудачно, Дима. На тебе лица нет, – переживал шеф. – И много людей пострадало?

– Не знаю. Считать не стал, – сказал Дайм, не обратив внимания на выскочивший из собственных уст и крайне неуместный в данной ситуации сарказм. Ощущение шлепка занимало все мысли. Никакой болезненности или жжения на затылке, просто – присутствие постороннего стягивающего кожу предмета, словно к голове прилип моллюск. Знаков дотронулся рукой – ничего, что, в общем-то, не удивительно. – Много... дохрена.

– Какой ужас! – воскликнула кармаша, на этот раз, выпучив всё, что возможно.

– Вот вам и общественный транспорт. Бывало, стоишь на остановке, ждёшь, выглядываешь нужный номер, а тут «бац», и тебе кранты, – процитировал умник Иван и незамедлительно подытожил, – Бухой водила, наверное.

Снова тихий щелчок в голове, который сменился неприятным чувством: что-то пошевелилось внутри.

– Камазист живой? – спросил шеф.

– Нет, – умоляющий взгляд водителя тут же возник перед глазами, – он мёртв.

Весьма неприятное ощущение под черепной коробкой, будто задрезала мозговая ткань, сменил очередной негромкий щелчок, который тут же повторил другой. Эхом откликнулся ещё один, а за ним следующий. Упрямой вереницей с каждым разом нарастающих звуков один щелчок тут же заменял другой. Набирая темп, невидимый барабанщик палочками колотил по голове. И тут и там, по всей площади, на каждом клочке не было места, где бы ни саданул он. Звуки слились в гул – непрерывным градом посыпались глухие удары, вызывая слабую, но не менее пугающую, боль.

Движениями психопата Дайм схватился за виски и начал интенсивно растирать, конечно, породив тем самым всеобщее удивление. Даже сохранявший до сих пор безмятежный самоуверенный вид Иван немного растерялся и обеспокоенными глазами уставился на Знакова.

– С тобой явно не всё в порядке, – Гримов поскреб подбородок. – Может отпустить тебя сегодня? К тому же, завтра у тебя начинается отпуск.

– Что с ним? – воскликнула кармаша, словно вокруг собрались эксперты по необычным проявлениям психики, которые ей тут же и незамедлительно предоставят разъяснения.

– Голова? – спросил умник и поспешил скрыть обнажившееся волнение фальшивой улыбкой, которая с таким же успехом довольно-таки быстро сползла, поскольку Дмитрий уже мчался прочь к дверям. Его напряжённые пальцы резкими интенсивными движениями буквально бороздили кожу головы, а лицо выражало испуг.

– Только не болеей! – бросил в след Пётр Иванович.

Когда Знаков выскочил из кабинета, барабанный гул неожиданно сменила тишина. Но приятное облегчение оказалось недолгим – щелчок, ещё один, потом другой. Создавалось впечатление, словно в голове кто-то балуется выключателем. Щёлк – «включил», щёлк – «выключил». Весьма неприятно и крайне жутковато.

«Хочу умыться. Холодной водой. Именно, холодной! Боже мой, хочу».

Щёлк – «иди», щёлк – «чего же ты ждёшь», щёлк – «давай же иди». Щёлк-щёлк.

Пусть не из домашнего крана, а из умывален общественного туалета, но вода творит чудеса. В особенности, когда вокруг чередой творятся странные вещи. Ещё только утро, а голова уже идёт кругом (барабанщик изрядно постарался). Окотив затылок, ему стало значительно легче.

Щёлк– щёлк.

Он взглянул на отражение в зеркале: серые глаза, хотя ему они всегда казались голубыми (он хотел так думать), прямой средней величины нос, европейские черты лица. В общем-то, всё на месте, за исключением того, что всё совсем не так. Чёрт побери, всё абсолютно не так! Всё другое, иное.

Щёлк– щёлк.

Умылся снова – будто холодная вода при всём желании сможет избавить от недуга. Как ни странно, но это сработало: щелчки прекратились. Болезненное ощущение осталось, как ноющий норвящий вспыхнуть новой порцией боли зуб. Дурное чувство поселилось внутри. Вроде бы всё в порядке, но в то же время не может быть в порядке. Какой к чёрту может быть порядок, когда на твоём котелке высекает ноты незримый барабанщик!

Какие-то туманные образы возникли, вдруг, и тут же исчезли. Дима даже не успел их запомнить – в памяти остались лишь мысли об их присутствии, и всё. Они поспешно слились с отражением в зеркале. Ещё одна пугающая странность. В то же время мысли поражали своей простотой и необъяснимостью: «Вроде бы всё понятно, всё так. А как? Как так?» Туманная ясность рассудка и сумбурный коктейль мыслей – вот что творилось сейчас в голове Знакова.

Опять щелчок, но на этот раз громче.

Щёлк.

Спустя секунду, вновь щелчок, который сменил следующий ещё более громкий. Затем другой, просто оглушительный, который тут же перешёл в шум. Звонкий похожий на помехи радиоприёмника гул воцарился там, где минуту назад ещё могли рождаться мысли. Теперь их просто не было – радиошум заполнил всё, нагло вытеснил последние просветы разумного.

«Да что такое?»

Блики разыгравшегося воображения, как оставляющие ожог следы нездорового дня?

«Что происходит?»

Шум сводил с ума. Интуитивно, точно желая выключить радио, Знаков протянул руку к голове и поковырялся в ухе, будто это при всём желании сможет избавить от недуга. И, как ни странно, но вновь сработало – шум стал тише, правда, затем явился другой звук. Весьма неестественный шипящий звук, очень напоминающий плач умирающего механического устройства, вроде пробитого двигателя, менялся, как радиочастоты. В облаке безумной палитры звуков Дмитрий сразу и не заметил, что громкие шипения образовали что-то на подобии слов.

Странный звук повторялся снова и снова, пока в голове, измученной немислимым натиском нечто необъяснимого и неповторимого, не сформировались слова, от которых у Димы встали дыбом волосы. Ему показалось, что он слышит чей-то голос. Среди нарастающего волнами шума мутной рябью слипшихся звуков прояснились слова:

«Иди» «Иди» «Иди»

«Иди» «Иди» «Иди же» – вновь повторил радиошум.

«Иди же» «Уходи» «Не стой» – тысячи голосов прокричали одновременно, и на последнем вздохе радиоприёмник пронзительно взревел и заглох.

Пьянящая тишина. Сладостный покой и непреодолимое желание почесать внутри под черепушкой теперь заменили радио. От утренней головной боли не осталось и следа, только от этого Знакову не легче.

«Да что такое!? Что за фигня?» – выругался молодой человек и, повинувшись воле сумасшедшего ансамбля, направился к выходу и вышел из туалета.

На планёрку он не пошёл – зачем напрягать всех своим присутствием и, в первую очередь, самого себя. Впервые за десять лет он решил пройтись пешком (во всяком случае, ему показалось, что он так решил). После утреннего происшествия очень уж не хотелось садиться в транспорт. Да и весьма неординарный эпизод, случившийся каких-нибудь минут десять назад и чуть не разорвавший его мозг, никак не выходил из головы – необходимо обдумать сей немислимый казус. Он решил так сказать проветриться. Его даже не остановил тот факт, что до дома идти, не без малого, целых три микрорайона.

«Минут сорок-пятьдесят пешочком, и «здравствуй, милая!». Какая ерунда, вспомним детство. Идти пешком – красота! Хм... И-и-и... я так хочу».

Хотел ли на самом деле, Дайм не знал, но сейчас был стойко уверен, так надо. На улице в самый разгар солнечного весеннего дня уже достаточно потеплело, что подтверждали нахлынувшие со всех сторон потоки тающего на глазах снега. На дворе середина апреля, но снега ещё много – в этом году весна припозднилась. Правда, сейчас надвигалась слишком резво, образуя огромные бурлящие массы отнюдь нечистой воды и мусорные каши грязи. Она наступала стремительно и быстротечно. Может, именно поэтому в воздухе так явственно выделялся сладковатый запах её духов, аромат весны.

Телефон в кармане затрезвонил знакомую мелодию – звонят родители.

– Да, папа, привет!

– Здравствуй, сынок! – Послышалось на том конце провода.

– Вот уж кого, а тебя я точно не ожидал сейчас услышать, – поразился Знаков. Отец не звонил в это время. Обычно вечером или рано утром, но днём – никогда. – Как у тебя здоровье? Как мама?

– Не ожидал, – согласился мужчина на той стороне связи. Произнёс так просто и спокойно, словно удивлять было его маленьким хобби, которым он зачастую пользовался. – Да ничего, у нас всё отлично, как обычно.

У Дмитрия появилось слабое ощущение, что этот звонок неспроста. Отец явно собирался сообщить что-то или...

«Или узнать» – пришла идиотская мысль.

– Ты, наверное, на работе? – спросил отец и добавил вопрос, который можно с лёгкостью отнести к разряду банальных фраз. Ни один его звонок не обходился без привычной: Я тебе не мешаю?

– Ну, конечно нет, – постарался придать голосу максимум самообладания и не окунуться в омут навязчивых идей и подозрений Дайм. Слишком много произошло сегодня. – Я освободился пораньше – завтра отпуск.

– Да-да. Помнится, ты говорил об этом, – оживился отец.

«Собственно говоря, по этой причине он и звонит» – решил Дима. Последнее время они редко виделись, поскольку работа (в основном только она) препятствовала полноценному общению с родными. Да что тут скажешь, он с женой то виделся не часто. Приходил за полночь, уходил рано.

– Ну, тогда мы ждём вас в гости. Мирра говорила мне, что всеми руками только «за», лишь бы утащить тебя подальше от офиса, – подытожил голос в трубке. – Ведь вы приедете?

– Думаю, да, – ответил Знаков, и про себя подумал, что навряд ли. Настроение паршивое, да ещё это необъяснимое беспокойство. – Постараемся, папа. Тем более, я обещал маме.

– И я думаю, вам не трудно будет взять билет на автобус, потрястись пару часов, и порадовать стариков? Я уже забыл, как ты выглядишь! Мирру я помню хорошо... – засмеялся отец, – ...а тебя – нет. Давай я пришлю денег на проезд!

Однажды родителям взбрело в голову, причём весьма неожиданно, уехать жить в деревню. Идея была настолько безумной, что тут же взбудоражила всех. Многочисленные родственники, друзья и просто бывшие коллеги по работе как могли отговаривали, но всё впустую. Под старость лет они решили приобщить себя к фермерству и на небольшом клочке земли, лишённой тягостного духа городской суеты, воссоединиться с природой. Одержимые великолепным замыслом, родители Димы сделали всё, чтобы мечта ожила. По объявлениям местной захудалой газетёнки достаточно быстро (даже слишком быстро) нашли себе участок с домиком и вот результат: живут далеко, где-то у чёрта на куличках, но в своё удовольствие. Во всяком случае, Дмитрию хотелось так думать.

– Приедем, обязательно. Мы с Миррой обсуждали уже это, пап!

«Или не приедем» – проскользнула навязчивая мысль.

После неловкой паузы отец неожиданно сменил тему и произнёс:

– Ты знаешь, мне сегодня как-то не спокойно, – в голосе чувствовалось напряжение, которое он старательно пытался скрыть, – и твоя мать сама не своя. У тебя всё хорошо?

«Нет»

Станный вопрос, только удивляться не чему – сегодня это, в некотором смысле, в норме. Что до странностей, то сегодня они уже приобрели закономерность!

– Всё нормально, – соврал Знаков. – Почему ты спрашиваешь?

Правда, ему не нужен был ответ – с леденящей внезапностью он пришёл сам.

– Не знаю, просто мы сидели с твоей мамой, смотрели телевизор и... – возникла длительная пауза, которую Дмитрий не посмел нарушить, – потом внутри стало как-то нехорошо. Сначала подумал, может заболел, старый всё-таки, но... взглянул на твою мать, она – на меня, – он тяжело вздохнул. – В общем, Настя (мама Димы) сказала, что нужно срочно позвонить тебе.

«Не удивительно»

В трубке вновь послышался тяжёлый вдох – отец переживал.

– В этот момент мы подумали именно о тебе, понимаешь? Одновременно, как некий знак. Предчувствие, что ли. Может быть это и глупость, но... вот так. Понимаешь?

Знаков молчал. Он понимал, всё понимал. Утреннее происшествие, умопомрачительное сумасшествие на работе – безусловно, это оставило след, и по-видимому эхом отразилось на родителях.

«Понимаю, вот только...»

– Понимаю. У меня всё отлично, пап. Как всегда, – постарался оправдаться Дмитрий, когда как в голове забурили воспоминания. Человек без грима улыбнулся и исчез. – Иду домой с работы. Всё путём и дома – тоже.

– Ну, слава богу, сынок! – спешно обрадовался отец, словно боялся, что Дима может передумать и сказать ему другое, что совсем не хочется слышать. – Будь осторожен.

– Папа, я всегда осторожен! Ты же меня знаешь.

– Давайте, приезжайте скорей. Не бросайте своих престарелых родителей в одиночестве! – Дима представил, как отец улыбнулся сейчас. Только тревога совсем не хотела покидать грудь. – Мирре передавай привет, и скажи ей, чтобы...

Снова тяжёлый вдох, который на этот раз был особенно нелёгким – волнения и сомнения терзали мужчину.

– Что, папа? – насторожился Знаков.

«Я не смогу передать, папа» – взорвалась мысль, от которой замерло сердце.

– Ничего. Просто береги себя.

– Пап, да не волнуйся ты. Всё хорошо! И будет всё хорошо!

«Будет ли? Отец чувствует. Не понимает, но чувствует. Странно, почему звонит он, а не мама?»

Снова странность. Что до странностей, то сегодня они взошли на пьедестал закономерностей!

– Ну, ладно! Это я так, не обращай внимания, – подытожил голос в мобильном, – что-то на меня нашло. Давай, сынок, пока!

– Маму от меня поцелуй! – успел сказать Дмитрий прежде, чем короткие гудки оборвали связь.

«Что за день сегодня»!

Дима решил, что дворами его путь значительно сократится, но в первом же закоулке, напорвшись на глубокую необъятных размеров лужу, он понял, что это было глупое решение. Рыхлый снег только усугубил неприятную ситуацию – наполняя ботинки грязным снегом, ноги проваливались, словно ложка в сахар.

Застрявший по колено в сугробе Знаков огляделся: кругом вода. В поисках пути преодоления сложившейся ситуации глаза обшаривали местность, пока случайно не напоролась на закорючки. На старом железном гараже чья-то шаловливая рука нацарапала «Иди ...». Дальше надпись неразборчива, будто у хулигана проснулась совесть и вовремя заставила исправить ошибку юношеского озорства и зачеркнуть слова, которые и без труда поймёт каждый, если, конечно не иностранец.

– Иди. Вот и иди, – не скрывая иронии, вымолвил Дайм, – Иди. Куда идти?

Он вынул правую ногу из сугроба и принялся выковыривать снег из ботинка, одновременно ворча под нос:

– Иди. Вот и иди. Кругом вода!

Скрючившись на одной ноге, в дурацкой позе Знаков вертел головой, продолжая искать пути отступления.

«Иди туда» – прилипла к глазам надпись, нацарапанная на стене противоположного дома, достаточно крупными буквами, чтобы невозможно было не заметить. Ниже, только уже краской, виднелась стрелка, указывая известное лишь автору направление.

В этот миг Диме, вдруг, безудержно захотелось думать, что эти надписи совсем не так просты, как на первый взгляд кажется. В голову пришла безумная, не вызывающая никаких объяснений мысль: «Они адресованы ему». Дайм улыбнулся, на душе повеселело, а шальная идея всё глубже и глубже проникала в мозг, пока не нашла вполне беспрепятственное и логическое (не требующее разъяснений) подтверждение: «Так и есть».

«Дома и гаражи разговаривают со мной»!

Вероятнее всего, люди так и сходят с ума. Первая ступень, наступающего сумасшествия – щелчок. Бац! – лопнул сосудик или нервные импульсы неожиданно поменяли ритм и направление, а потом... здравствуй, безумие! Вторая фаза – шум, затем слышаться голоса и вот наступает момент, когда начинают говорить рукописи на стенах домов и гаражей. И что потом? Здравствуй, доктор!

Однако, подобное явление казалось таким забавным сейчас. Знаков представил горстку врачей, с сочувствующим видом говорящих его супруге, что муж сошёл с ума: «Он ещё так молод... болезнь очень редкая, но такие случаи бывают у молодых мужчин за тридцать... к сожалению, не излечимо».

Дмитрий засмеялся. Выковыривая мокрый снег, он смеялся, как дитя, и вместе с тем приговаривал низким неестественным голосом, точно в детском саду играл роль Карабаса:

– Куда идти? Ту-да. Куда-куда? Да, ту-да. Иди ту-да.

Настроение улучшилось и страшно захотелось кушать. И тут на стене того же дома, чуть ниже нацарапанных слов, он прочитал другие: «Да иди уже быстрее, Дай...»

Последняя буква (сомнений в том, что именно одна буква не возникло) была неразборчива, но Знакову доказательства и не требовались – обращались к нему.

Улыбка испарилась, вынудив принять всю возможную серьёзность лица, но внутри не угасал задор:

– Хорошо, доктор! Иду! Уже иду!

«Не смешно»

Он пялился на текст и перечитывал его снова и снова, как школьник, который не в состоянии вникнуть в смысл и понять, что читает: «Да иди уже быстрее, Дай...»

Не обращая внимание на мокрый с каждым шагом сползающий всё глубже снег, Дима пробрался ближе к стене. Глаза прочитали ещё раз – всё верно и ему не показалось, только на этот раз внизу под коротким словом «Дай...» он обнаружил: «Скорее, Дима»

Мурашки осыпали кожу, и голова пошла кругом.

– Чёрт, что за ... – отстранился он в испуге. Вот теперь действительно было не смешно, и образ доктора, уступив место холодному волнению, моментально покинул мозг. Это обращение именно к нему и сомнений, конечно, нет. Без лишних колебаний и с твёрдой уверенностью, послания направлены в его адрес. В голове раздался выстрел:

«Скорее, Дима» «Скорее, Дима»

Его вновь охватила тревога, и мозг погрузился в кипящий поток мыслительных процессов. Выстрел отразился эхом и застрял:

«Скорее, Дима» «Скорее, Дима»

«Может на сегодня хватит с меня?» – обратился он неизвестно к кому и направил взор в ту сторону, куда указывала стрелка:

– Хорошо, – принял Знаков, – надо, значит надо. Пойду здесь.

«Скорее, Дима»

Словно загипнотизированный он направился через дворы по направлению волшебной стрелки.

«Скорее, Дима»

Пробирался по улочкам, по которым, как ему казалось, ранее не проходил.

«Скорее, Дима»

– Я схожу с ума, – постарался перебить навязчивое эхо Дайм.

«Скорее, Дима»

Прошёл ещё квартал, прежде чем понял, что всё дальше отдаляется от дома, правда это ничуть не смутило его, скорее только закрепило чувство необходимости движения именно по этому пути. С каждым шагом назойливая твердыня «истинной» надобности с присущей только ей бесспорной безукоризненностью вынуждала идти быстрее, и Знаков, даже не задумываясь, почему подчиняется ей, ускорял темп, который сейчас уже больше напоминал тренинг спринтера. Он миновал очередной квартал, свернул за угол старого деревянного дома и остановился. Впоследствии, когда Дайм вспоминал этот странный эпизод затмения рассудка, то не мог объяснить себе, что всё-таки произошло с ним. Впрочем, в будущем многие вещи для молодого человека приобретут совершенно иное содержание.

Перед ним вырос высокий красный дом, кирпичи которого больше походили на жухлую чешую, а кислые выцветшие балконы слабо напоминали, что когда-то были зелёными. Жилые застеклённые лоджии, пластиковые и не пластиковые окна, обычные подъезды. Таких домов в России хоть пруд пруди, но из десятка-сотни домов вокруг этот был не прост. Прост или не прост, наверняка знать Дмитрий конечно же не мог, да и нужда в этом отсутствовала: он чувствовал и этого было достаточно (для чего?). Что заставило заострить внимание именно на нём, понять, что цель достигнута?

«Я пришёл»

Он стоял и не спускал глаз с зелёных балконов, серых окон: дом словно сковал его. Обычный дом, каких в городе десятки, но этот выглядел немного не так, а что не так, Знаков понять не мог. Дом и страх, страх и дом – Знаков чувствовал это. Причём колючий трепет возник столь внезапно, что Дмитрий на миг принял его за свой собственный.

«Чёрный свет» – подумал Дайм и будто даже не обратил внимания на свои мысли, только двинулся вперед.

«Я здесь» – смотрел Дима.

«Я пришёл» – вглядывался он.

«Чёрный свет... я здесь» – немым помешательством приветствовал Знаков, а чешуйчатая обитель страха только смотрела на непрошеного гостя пустыми глазницами серых окон и молчала. Он приблизился к подъезду, и теперь страх пробежал и по его телу, оставляя холодный след гусиной кожи. Довольно-таки неприятное ощущение преследования охватило его с головы до ног, захотелось развернуться и помчаться прочь. В какой-то миг вся ненависть мира обратила копьё злобы на молодого человека и в нервном ожидании знака или, может быть, предчувствия чего-то устремилась вонзить его. Вот только выключенный радиоприёмник (только сейчас Дима обратил внимание, что радиоголоса больше не беспокоят его) мог означать только одно: он на верном пути и цель достигнута.

Ненависть и страх, страх и ненависть.

Входная дверь, рядом усыпанная множеством объявлений доска, а невольный взгляд падает лишь на жёлтый весьма потрёпанный временем листок с невзрачной расплывчатой надписью «Пятый этаж». Ниже, уже на стене, всё тот же нечаянный подвластный нечто необъяснимому взору находит «Действуй». Слово обезумевший он потянулся к ручке двери, и, опустив голову, на бетонном основании входа прочитал оставленную детским творчеством каракулю «так надо».

«И почему я не удивлён?» – оценил он самого себя, хотя ответ уже крутился на языке: «Меня сегодня ничем не удивишь» – и открыл дверь.

«Что до странностей, то сегодня они буквально вспыхнули фейерверком закономерностей!»

На удивление в подъезде было достаточно чисто, правда сейчас Знакова это заботило меньше всего. Он не обратил внимания на свежеекрашенные стены, новые почтовые ящики и сияющий новым кафелем чистый пол, и даже наполненный запахом растворителя воздух не смог порвать невидимую паутину притяжения, пленившую всё нутро молодого человека. Околдованный небесными велениями Дима поднялся на площадку с лифтом: теперь сомнений, что за ним наблюдают, не было, уж очень явственно ощущалось присутствие. В доме было тихо, и даже вызванный лифт спускался беззвучно, только и это не могло показаться странным для Знакова: шум был в его голове. Или ему лишь кажется, и давящая тишина обостряет и без того напряжённое состояние, принуждая закипающее сознание формировать слова: «Быстрее, Дима» «Быстрее, Дима»

Он вошёл в кабину (и когда это он вызвал лифт?), нажал нужный пятый этаж и, может быть, даже немного успокоился: странно, но железная движущаяся коробка как будто бы разбавила давление. Знаков поднял глаза вверх, ничуть не задумываясь, что нужный этаж сейчас совершенно недоступен взору. Однако, он вполне соображал куда смотрит, интуитивно понимал, правда одна маленькая деталь в этот момент всё же могла поспорить с ним: сейчас он не принадлежал себе.

«Скорее, Дима»

«Скорее, Дима»

«Если мне нужно, значит пусть так и будет».

Наконец, затянувшийся до бесконечности вязнущих в раздавленном сознании секунд путь закончился, и двери лифта распахнулись, как тут же Знакова оглушил пронизывающий

до костей звук. Болью и страхом наполнил воздух протяжённый отчаянный крик, и словно предсмертный всхлип животного, звонким эхом промчался по коридору. Растворив в воздухе горечь и просочившись сквозь стены, крик теперь остался лишь в голове Знакова. Напоминая ноющую головную боль, звон застрял внутри и так и продолжал бы измываться, если бы не слабый шелест заплетающихся в муках слов:

– Не надо. Нет, пожалуйста! – голос женщины напоминает мольбу, – не надо.

Дмитрий повернулся: слева, откуда доносились звуки, он увидел приоткрытую дверь. Точно в ожидании непрощенного гостя вытянутый в тонкую полоску бледный свет подрагивал грязными лучами искусственного солнца, называемого лампой, и нашёптывал: «Я ждал тебя, но ты здесь не нужен». И, подмигнув яркой вспышкой разрывающейся спирали, добавил: «Прочь. Не думай заходить»

Не раздумывая ни секунды, действуя подсознательно, отчасти даже машинально, как запрограммированный, Знаков бросился к двери и у самого порога... онемел. То, что он увидел, не подвергалось никакой логике человеческого сознания. Может быть, сегодня ему слишком много и досталось от судьбы, но это не входило ни в какие рамки. В этот миг холодный душ окатил его тело: кожу исцарапали ледяные коготки ужаса. И в следующую секунду Дима ощутил отрезвляющую ясность мысли, которая в последние часы будто бы дремала. Такое впечатление, щёлкнул тумблер, включив в работу запасную неработающую до сих пор часть мозга. В какой-то момент Знаков понял абсолютно всё, увидел скрытые выражения происходящего, решил формулу всей жизни, разгадал мучающую с самого детства загадку. Странная мысль проскочила в голове, подстрекая на безумие и без того напряжённый мозг:

«Ты понял?»

«Ха-ха. Ну, конечно же понял»

«А как же ещё?»

«Предназначение?»

«Ты видишь это? Дайм!»

«Ты всё понял? Да? Да? Да?»

Не в меру жирный мужчина в таких же огромных и весьма потасканных семейных трусах, уродливой гусеницей нагнувшись над женщиной, держался за торчащий из её груди нож (жертва была мертва). Напруженные пальцы так крепко вцепились в рукоятку, точно боялись освободить руки от дорогой вещи, что напоминали серо-синие клешни. Но, что в следующую секунду заставило Дмитрия просто провалиться в состояние полного околочения конечностей, так это размытая серая муть вместо головы на раздутом булочками и хотдогами теле. В такие моменты человек (при условии, что в его жизни вообще имеется такая вероятность) скорее всего закрыл бы глаза, приняв увиденное за некий обман зрения, дерзкую иллюзию в ауре сложившейся ситуации, но только не Знаков. Напротив и, не смотря на абсолютное отрицание происходящих событий, отсутствие собственных желаний (правда, ему так совершенно не казалось), его мозг, как никогда, сохранял отрезвляющую ясность ума. Он видел и вполне понимал, что видит; видел и знал, что видит; видел и...

Голова убийцы, будто в густом облаке тумана, имела неясные очертания: меняла форму и двигалась, словно наполненный червями мешок. Серой паутиной от самых плеч по рукам тянулись слабо выраженные тонкие нити, завершающиеся тем, что, изначально Знаков принял за подобие клешней. Нити вздрагивали и на миг растворялись, точно и не было их вовсе, затем проявлялись вновь и облепляли руки, покрывая кожу плотной полупрозрачной дымкой. Голову и руки мужчины охватила живая пелена, больше походившая на присосавшегося паразита и напоминающая существо из фильмов ужасов.

От охватившего парализующего ужаса Дмитрию захотелось крикнуть, захотелось убежать, умчаться подальше от этого кошмара, но ни рукой ни ногой он не смог пошевелить: всё тело связал невидимый страх.

Существо-жердьяй прокряхтело и в следующую секунду извлекло нож из тела женщины, а потом, перебирая складками огромного тела и продолжая всё также натужно кряхтеть, поднялось на ноги и замерло. Окаменевший Знаков не мог и не смел пошевелиться, в горле пересохло, в низ живота явился дикий дискомфорт, а мотор, разрывающий грудную клетку, готов был вот-вот выскочить.

Но мужчина не видел Диму. По-детски и так неуклюже он замотал головой, потом закружил ею, будто после тяжёлого трудового дня неожиданно решил сделать зарядку шеи. Вот только выглядело это весьма не естественно. С не работающими потрёпанными временем заржавевшими суставами и такими же ветхими костями он напомнил Дмитрию дровосека из «Волшебника изумрудного города». Движения были ломанные и похоже выходили с трудом, поскольку с каждым «застреванием» убийца натужно посапывал и кряхтел.

Знаков увидел левую часть того, что называлось лицом мужчины: счастливая радостная физиономия привела его в ещё больший ужас, а расплывшийся в улыбке полуоткрытый рот, явно свидетельствовал о том, что человек не в себе. И тут убийца повернулся к Диме.

«Живая маска» – вздрогнул внутренний голос.

Утренний кошмар не собирался уходить, напротив – только напористее заявлял о своих правах, бросая молодого человека в безумие скрытых изъянов человеческого существования. Как такое возможно? Как такое может быть? Виновник катастрофы на остановке и жердьяй-убийца – одно и то же лицо. Нечто снова повстречалось ему, второй раз за день набросило туманную пелену безрассудства на измученное сознание и намылило глаза просто невероятным содержанием.

«Боже, помоги мне»

«Живая маска»

Чёрные глаза смотрели на Знакова, и в ту же секунду беззубый рот (во всяком случае, Дима зубов не видел) в неизменно счастливой и в то же время злобной улыбке издал что-то подобное на треск, напоминающий звук рвущейся бумаги. Выставляя перед собой окровавленный кухонный нож, словно находку всей жизни, убийца сделал шаг вперёд к Дмитрию и тут же остановился. Улыбка сползла с серого лица, чёрные глаза наполнились тьмой, а полукруглый в бесчеловечном овале рот по-рыбьи захлопал губами.

«Он наброситься на меня» – закружилась в голове паника, – «оно наброситься...»

Беспросветные глаза уставились на незваного гостя, гусеничное жирное тело изрядно напряглось и уже не смахивало на желе, рот захлопал быстрее, выбрасывая наружу ужасно громкий звук. Раздался треск. Тысячи бумажных листов разорвали одновременно вокруг:

– Ткы, видишь меня? – и следом, будто тысяча сидящих внутри кричащих сверчков завизжали от ненависти и боли, прогремело: Кххххррр.

Серая маска, словно облако ядовитого дыма, неожиданно прыгнула с тела мужчины, нырнула в сторону и растворилась. Жердьяй рухнул на пол, выронил нож, а освобождённая от густого тумана голова с силой ударилась о распахнутую дверь. На мгновение, тело поразила конвульсия, которую сменил слабый еле слышный стон.

Только сейчас Дима понял, что всё это время пока продолжался безмолвный поединок, он не дышал: страх и ужас парализовал каждую клеточку тела. Знаков сделал глубокий вдох: яд, которым отравил воздух серый монстр, казалось, проник внутрь и оставил мерзкий привкус гниющего металла.

На дрожащих ногах Знаков подошёл к мужчине: тот был в сознании. Напуганные человеческие глаза, в которых шальным коктейлем смешались боль, печаль и страх. И снова на Диму смотрел человек.

«Человек»

Неподвижный взгляд мужчины прилип к жертве, и, казалось, убийца сошёл с ума: безумием наполнялись глаза. Ещё секунда и жердьяй вскочил, сел и зарыдал:

– А-а-а-а – вырвалось из груди, – я... а-а-а не-ее хотел. Не хоть-е-ел.

С великим трудом давались ему слова, рыдания превратились в истерический крик, и безумие уже овладело им.

– Не-е-е может... Не-е-е хоте-ел...

Окровавленными руками он закрывал лицо (человеческое лицо) и кричал, кричал... кричал. Его боль пропитала и без того отравленный серым ядом воздух, а крик, словно знак, оповестил мир о возникшем безумии. Мужчина вскочил на четвереньки, подполз к телу своей жертвы и нежно обнял её. Кровь облепила его ноги и поползла выше, покрывая тучное тело красным ковром. Он лёг рядом с женщиной и что есть сил затряс её:

– Ну же. Вставай, – завизжал он, – Дашенька! Дашуля, я ... не хотел... , это... прости... Вставай, ну... ну, же... Не надо так... не может... не-ет.

Тут в голове Знакова раздался оглушительный щелчок, эхо которого в следующую секунду буквально вытолкнул громкий похожий на свист шум – радиоприёмник включился снова.

Импульсивными движениями Дмитрий схватился за виски (словно так можно было выключить радио или хотя бы переключить станцию). Он затряс головой, но шипения не прекратились, напротив – нарастающий с каждым мгновением вой только прибавил звук. Радиоприёмник взвизгнул, и, как утром в туалете, среди беспорядочного шума Дмитрий с трудом разобрал слова:

«Иди» «Иди» «Иди»

В тот же миг Знаков помчался прочь, подальше от преследующего с утра кошмара.

Глава 2.

Люди в плёнке

– Думаешь, будет не больно?

– Конечно, нет. Мама говорит: «как комарик укусил»

– А я боюсь. Мне ставили прививку очень давно, и было больно – я чуть не заплакала, – заявила маленькая девочка.

– Да не бойся ты! Вот увидишь, так чик... – мальчик протянул к ней руку и слегка ущипнул, – ...и всё. Не больно?

– Ай! – засмеялась она, – Дима, а-а-а... щипаться зачем, Ди-имчик?

– Я не щипал, это я тебе укольчик поставил.– Он снова потянулся к её руке, но Алиса отстранилась и побежала, заливаясь заразительным смехом. Поддавшись прилипчивому настроению детской беспечности и счастья, он помчался за ней следом, попытался поймать, но не тут-то было: девочка была очень прыткая и не уступала в быстроте и изворотливости любому мальчику в группе.

– Не догонишь, не догонишь! – не упуская возможности, лишний раз показать язык, дразнила она преследователя. – Не сможешь!

После длительных попыток, во что бы то ни стало, схватить неугомонную вредину (так он часто называл её), гогоча во весь рот, запыхавшись больше от смеха, нежели от беспрестанной беготни, Димке всё же удалось поймать её: в домике, где неугомонная вредина решила скрыться, остаться незамеченной не вышло.

– Вот ты и попалась, которая кусалась, – обнимал он хохочущую от счастья Алису.

Они знакомы вот уже три года, с тех самых пор, когда родители Димы решили поменять место проживания и переехали в другой район, сменив при этом и детское учреждение, которое посещал их сын. Вот так и встретила его, с распостёртыми объятиями и озорной девочкой, группа номер одиннадцать детского сада «Берёзка». Конечно, мальчику ужасно не хотелось переезжать в другую квартиру и уж тем более идти в новый сад, но ничего не поделаешь – жизнь взрослых плывёт совсем иначе. И так вышло, в тот первый день его пребывания в совершенно новой компании таких же маленьких человечков, как и он сам, единственным человечком, который сразу же подошёл к нему и предложил дружить, была маленькая девочка с тёмными густыми волосами и ярко синими глазами по имени Алиса. С тех самых пор они – лучшие друзья. И не было ни дня, который они не провели бы вместе, кроме выходных, конечно. Всегда вместе, всегда рядом друг с другом, только что на горшок – всё же по отдельности.

Дима любил её. Нельзя сказать, что эта любовь похожа на взрослую, но всё-таки, какая бы ни была, это – любовь. Пускай по-детски немного наивная, по-детски не лишённая восклицания человеческих прикрас (дети не могут не видеть красоту), но эта была искренняя любовь. Открытые чувства, без взрослой лжи, взрослой усталости, взрослых норм и навязчивых переживаний.

Ежедневно, каждый вечер по дороге из сада он заливал мамины уши музыкой про девочку из группы, их совместные игры, любимые игрушки Алисы, и порой даже откровения. Ему нравилось общаться с синеглазой девчонкой; резвиться, в очередной раз, стремясь догнать неуловимую неугомонную вредину; защищать её от других мальчиков из группы, всячески норовивших ущипнуть или обидеть красивую девочку. Когда она была рядом, ему было безумно легко, с ней он мог всё, и это «всё» – получалось, когда как с мальчиками из группы было весьма скучно и не интересно. Порой в маленьком детском сердце возникали желания поиграть с кем-нибудь из парней в машинки или самолёты, но все попытки завершались ничем – фантазии одноклассников не совпадали с Димкиными, обнажая простоту содержания, они были скучны и открыты для него (будто прочитанная книга). Дима наперёд знал, что скажет

мальчик, поднимая самолётик над головой, знал, что он сделает, выставляя машинки или устанавливая солдатиков в ряд. Всё это в какой-то момент надоедало Димчику (правда, он не мог знать, когда именно наступил этот момент).

Наскучили все эти предсказуемые игры-ушки, что не сказать про игры с Алисой, когда невозможно было предположить ход её мыслей, когда удивляли и даже восхищали некоторые её девчачьи действия или неожиданные умозаключения и реплики.

Как бы то ни было, всё же он оставался мальчишкой, и поэтому при любой возможности, без всякого умысла, а лишь по природе своей, навязывал ей свою игру с танками или машинами. И девочка не сопротивлялась. Она принимала эти игры и с присущей только ей лёгкостью и простодушием свободно подражала другу. Алиса вполне могла играть и танками, усаживая на них кукол, и самолётами, предварительно наклеив на них разноцветные блестящие бумажки, и солдатиками, наряжая их платьишками из паутины разноцветных ниток. И, конечно, для светловолосого мальчишки такие воображения казались необыкновенными. Они не просто нравились ему, каждый акт представления просто будоражил его. Кукла Маша верхом на танке или робот на седле розовой лошадки смотрелись весьма забавно и ужасно затягивали в мир искривившегося (для мальчишки) воображения.

Когда все дети укладывались на дневной сон, а кровати Димчика и неутомной вредины по воле судьбы находились рядом, то они могли долго шептаться друг с другом, рассказывая истории про родных и близких, про домашних животных и любимые игрушки.

Их дружба вполне могла носить звание образцово-показательной (на привычном языке взрослых), не испорченной человеческими предрассудками и ложью зрелой жизни. Она была невинна и ослепительно чиста, а искренность – её фундаментальная особенность (опять же на языке «великовозрастных»). Открытая прекрасная дружба между мальчиком и девочкой. Что в таком возрасте может быть лучше?

С Алисой мальчик был очень ласков и нежен, и, конечно, её притягивали подобные проявления со стороны симпатичного мальчика. Для неё Димка был самым умным и самым сильным, самым-самым, принцем, только не на коне.

– Когда ты и я вырастим, ты купишь белого коня и прискачешь за мной! – во время дневного сна шептала она.

– Почему белый конь? – Недоумевал он, и после короткой паузы заявлял, – я хочу чёрного. На чёрном я приеду!

– Потому что все принцы приезжают на белых конях! Ты что ли не знал?

– Откуда мне знать? – возмущался Дима, и, выбрасывая порцию мальчишеской рациональности, с улыбкой изрекал – да и зачем надо на коне? Я не умею ездить на коне? Я машину себе куплю. Так будет лучше и быстрее!

– О-ох! Ничего не понимаешь, ты! – не выдерживала Алиса. – Так должно быть, понимаешь? Когда люди вырастают, то мальчишки приезжают к девочкам на белых конях, мне мама рассказывала.

– Я не знал, – искренне удивлялся мальчишка, на секунду задумавшись об истинности услышанного правила взрослых и ни сколько не усомнившись в последующем мысленном согласии с ним.

– Мой папа к маме так приехал, мне мама рассказывала. – Конечно, этого наверняка она знать не могла, но ей уж очень хотелось так думать, и она с лёгкостью верила, не пренебрегая возможностью в любой удобный для этого момент выдать искреннее убеждение за правду.

– Ну, ладно. – Соглашался Димка, – только я лучше на белом пони прискачу – он не такой большой. Я не смогу залезть на большого коня.

– Пони!? – весело повторяла Алиса, – пони!?

И они радостно смеялись. В очередной раз, зажимая рты ладонями, не в силах сдерживать внезапно нахлынувший смех, мальчик и девочка хохотали, чем, конечно же, будили некоторых ребят. В очередной раз.

И сейчас, стоя в углу домика в объятьях друга, неугомонная вредина была по-своему счастлива. Дима – единственный кто поддерживал и всячески подбадривал её перед такой страшной процедурой, как укол. Даже слова мамы «не бойся, мой маленький цветочек» не сравнить с поддержкой друга. С реальной поддержкой друга.

Воспитатель Елена Валерьевна ещё утром предупредила всех ребят о посещении медика, чем вызвала неоднозначную реакцию: один мальчик заплакал, другие же, таких было большинство, безмолвно «ушли в себя», переживая внутреннюю битву неудержимого страха и очевидного внутреннего постижения, а некоторые, не найдя ничего стоящего в информации, просто пропустили сквозь мозг и забыли. В числе последних был Димка, что не скажешь о девочке Алисе, которой было страшно. Страшно и всё тут, ничего не поделаешь.

– Попалась!?! – крикнул он, обнимая подружку, – сейчас я тебе поставлю укол.

Снова и снова щипая хохочущую от удовольствия девчонку, он как заведённый повторял:

– Попалась!?! Вот тебе, вот тебе. Так тебе, так тебе. Чик тебе, чик тебе.

– Дима хватит! – захлёбываясь от смеха, еле-еле выговорила она, – Помогите, люди! Кто-нибудь... А-а-а...

В качестве защиты, схватив попавшую под руку лошадку, Алиса закричала:

– Лошадка спаси меня, а-а-а....Сумасшедший мистер преследует меня! Съешь его! – отбивалась она от «доктора», тыкая мягкой игрушкой в Димкин бок.

– Ребята, давайте все сюда, – всегда мягкий, но прозвучавший сейчас довольно строго, голос воспитателя прервал игру, – Строимся по двое и идём на первый этаж в медкабинет!

– Пойдём, Алиса – позвал Дима, с нежностью взяв подружку за руку, и так же ласково добавил – не бойся, всего-то «чик» и всё. А ещё, нам дадут витаминки.

Больше слов и не требовалось, поскольку она уже не боялась: лучший друг смог успокоить её. И только многие годы спустя, она поймёт, что светловолосый симпатичный мальчик был единственным и самым настоящим другом в её жизни.

– «Чик» и всё, – улыбался он, – не бойся!

Мальчик сжимал руку девочки и был счастлив. Откуда ему было знать, что с сегодняшнего дня раз и навсегда изменится его будущее.

Страх охватил каждую клеточку ребёнка: хотелось закрыть глаза, но они упрямо не закрывались, хотелось встать с кровати, но тело словно парализовало, хотелось кричать, но в горле будто был ком земли, и невозможно сделать вдох.

Мальчик лежал на кровати, а налитые непроглядным ужасом, глаза смотрели на потолок. Он не мог пошевелиться, не мог позвать на помощь, он просто не мог сделать ничего. Ничего, только смотреть в серое полотно потолка и испытывать нестерпимый сильный страх. Пожирающий дикий страх.

Тусклый свет ночника освещал палату, пустые пружинные кровати стояли вдоль стены. Напротив них, ближе к окну и немного под углом, словно кто-то поленился выровнять её как следует, располагалась ещё одна. Рядом с заколоченной старой пожелтевшей дверью с множеством шестигранников отскочившей краски, в самом мрачном месте на свете, испытывая непреодолимый неистовый ужас, мучился маленький мальчик.

Уже днём, когда каменная тяжесть в груди исчезла без следа, вспоминая свой кошмар, он не мог понять, чего так боялся. Ничего такого страшного он не видел и не слышал, никто

его не пугал, напротив – весь медицинский персонал инфекционной больницы относился к ребёнку с особым трепетом, ведь он был единственным маленьким пациентом. Что послужило причиной такого кошмара? Станным было ещё и то, что он, как ему казалось, не спал. Скорее – был абсолютно уверен в этом. Сильный страх – теперь его посетитель.

Этой ночью гость впервые дал о себе знать – пришёл и молча присел. Мальчик смотрел на освещённый бледным светом потолок и... боялся, очень боялся. Невидимая дрожь пронизывала каждый мускул тела, неподвижные глаза уставились в одну точку, а в голове раздавались собственные крики. Он отчаянно кричал, звал на помощь (гость вынуждал его, иначе – никак), но ни один мускул лица не дрогнул. Всё происходило лишь в его голове, в сознании, а тело, будто потеряв ведущие к мозгу ниточки, упрямо не желало слушаться ребёнка. Сколько продолжались эти пытки, мальчик не знал, но страшные муки, казалось, превратились в бесконечную вечность.

Он лежал и боялся. Голова раскалывалась от собственных воплей и незримого страха. Ему казалось, что голос вот-вот сорвётся и страх каким-то волшебным образом исчезнет, но всё тщетно – гость просто сидел и молчал. Крик, ещё крик и... в какой-то миг мальчик услышал слабый писк – это был его собственный и вполне реальный стон. Протяжный звук появился издали, пробивая невидимую преграду и толкая посетителя вон. Нет же, ему не показалось, стон настоящий, как и... страх. До изнеможения напрягая все имеющиеся силы, ребёнок начал визжать сильнее: ещё чуток и вот-вот голова лопнет. Негромкий писк послышался снова, затем раздался громче, и в этот миг мальчик увидел на потолке чью-то тень.

– Этот мужик с двенадцатой меня точно с ума сведёт!

– Что, опять просил градусник?

– Да, блин! Задолбал уже. Светочка, мне надо померить температуру! Светочка, мне как-то нехорошо! Светочка, дайте мне таблетку от головы. Он издевается! – чуть не уронив чашку горячего чая, возмущалась медсестра.

– Просто он к тебе неровно дышит, – раскручивая воронку в стакане, рассуждала её коллега Динка.

– Да мне насрать. Я этот градусник в следующий раз ему в задницу засуну, и пусть каждые пять минут смотрит на него, как на часы, и сверяет температуру! – раздражалась Светлана.

– Точно, и слабительного ему дай, – улыбнулась Дина.

– Почему всегда так: какой-нибудь больной мужик требует к себе излишнего внимания? Почему все не могут быть нормальными?

– По-то-му, – ответила младшая и засмеялась. Вот только старшей было не до смеха: пожилой мужчина с явными признаками дефицита женского внимания, о чём свидетельствовали не только симптомы навязчивого поведения и характер общения, но и неряшливый внешний вид холостяка, последние дни создавал много проблем для Светланы, большая часть из которых (правда ей казалось, что на сто процентов все) в действительности ничего общего с болячками не имела. Но что больше всего раздражало медсестру, так тот факт, что подобный больной был не единственным – озабоченных в больнице хватало.

– Ну, почему? – вздохнула Светлана и довольно-таки наигранно артистичным и ласковым голосом добавила, – почему не могут быть такими? Такими хорошими и прилежными, как этот новенький мальчишка?

– Это ты про желтушного? Дима Знаков, кажись?

– Да, да. Голубоглазик! – с нежностью, свойственной может быть только женщине, произнесла медсестра. Мысль об единственном на всю больницу маленьком пациенте сняла нервное возбуждение, и медсестра немного успокоилась. К тому же, что зря нервы мотать – таких, как этот «с двенадцатой палаты» полным полно, и незачем изводить себя.

– И в какую палату вы поместили ребёнка?

– Да вот здесь он, напротив нас, в седьмой, – махнула Света и тут же, в ответ на явное возмущение, которое вспыхнуло на лице коллеги, добавила, – Что? Самый идеальный вариант – поближе к нам. . .

– Эта палата ведь пустая, – воскликнула Дина. Её чай уже давно остыл, но она непрерывно продолжала помешивать ложкой и топить чайные кораблики в бурлящем водовороте. – Он там один что ли?

– А куда предлагаешь нам его поместить? К этим пердунам-алкашам, или, может, прикажешь к бабушкам? Ведь он единственный ребёнок здесь. Сама знаешь: в городе чёрти что творится – детская инфекционка переполнена. – попыталась оправдаться женщина. – Кстати надо проверить его, а то мало ли что. Может, испугался чего и не спит.

– Я посмотрю. Сиди. – Дина поставила стакан на стол и вышла из кабинета. Чайные кораблики ещё долго кружились в беспечности тянущего их потока.

Поначалу она решила: это какой-то треск перегоревшей лампы дневного света или прощальный крик какого-нибудь прибора. Слабый едва уловимый писк послышался снова и снова – словно умирающий электроприбор звал на помощь.

Странно и жутко.

Звук был необычным, каким-то чужим, ложным, будто слышишь совсем не то, что происходит в действительности, будто реальность и неестественность сплелись в одной маленькой вибрации воздуха, от которой у Дины побежали по коже мурашки.

«Откуда здесь радиоприёмник или. . . что там ещё может быть?»

Девушка взглянула на стену: лампа в порядке. По крайней мере, никаких видимых признаков свидетельствующих о её поломке не было. Вот только электроприборов в палате быть не могло.

«Тогда что это за звук радиопр. . . Почему приёмник?»

Войдя в комнату, она сразу и не поняла, что жутковатый странный писк исходил с той стороны, где находился маленький пациент. Лишь приблизившись к кровати, Дина увидела и услышала то, что не забудет никогда.

Он лежал на дальней от выхода койке: испуганные глаза ребёнка были устремлены в потолок, а писк «перегоревшего радиоприёмника», казалось, с трудом протискивал себе путь из тела мальчугана. В тот миг девушка не испугалась, точнее – не успела, поскольку, может быть, врачебный долг не позволил сделать это. Однако, с жестокой неспешностью приходящее в себя осознание увиденного, всё глубже и глубже «тянул вниз» в яму под названием «страх».

– Дима, что с тобой? – схватила она его за руку. – Эй, мальчик, да ты весь горишь!

Маленький пациент ничего не ответил, он неподвижно гипнотизировал потолок, а его жуткий стон «тянул вниз».

– Ты спишь, что ли? – удивилась медсестра, и это была последняя секунда её жизни, которую впоследствии она посчитает нормальной, поскольку дальше всё будет иначе. В один короткий промежуток представление о мире изменилось и перевернуло буквально всё. Она поймёт это потом, позже, когда сюжет фильма её бытия внезапно расколется надвое: «до» и «после».

Она наклонилась к его голове. Сдерживая внезапно нахлынувший крик, девушка в ужасе отстранилась. Увиденное не могло быть иллюзией, поскольку именно сейчас, чёрт побери, не время для всяких там развлечений разыгравшегося воображения. Глаза. Эти нечеловеческие глаза. На бледно-сером лице мальчугана чёрные как ночь глаза больше напоминали выжженные, словно дыры, глазницы.

И вновь «потянуло вниз», только теперь сильнее, намного сильнее – околоченели ноги, и низ живота тут же отозвался резким неприятным ощущением. В следующий миг и без того слабый свет предательски замерцал, будто в унисон подпевая мальчугану слабыми звуками

умирающей лампы. Издевательская переключка света и тьмы зловеще дразнила глаза испуганной Дины, обнажая и тут же скрывая, чёрные дыры.

«Ниже и ниже – страх уже не тянет, а втаскивает в слоё логово»

Дрожащая женщина неожиданно для себя взвизгнула, и будто, в долгом мучительном ожидании нужного момента, мальчик ответил глубоким вдохом. Отключая невидимые связи, разрушая безмолвные страдания, малыш вздохнул вновь, и свет прекратил злостные подмигивания.

Объяснить трудно почему, но сейчас Дина подумала: «Могло быть и хуже». И когда, вдруг, наступил тот миг, когда «страх отпустил». Уже совсем не «тянуло вниз», и только невидимые отметины на теле тяжестью напоминали, что всё было наяву.

Мальчик повернул голову:

– Тётя, – и вот уже синие усталые глаза смотрели на неё. – Тётя... Дина.

«Могло быть и хуже»

– Всё хорошо, малыш, – дрожь в руках, как ей показалось, немного ослабла, и она в нерешительности взяла мальчика за руку. – Тебе приснился страшный сон.

– Сон, – произнёс Дима. Не спросил, не удивился, не заплакал, а просто сказал: Сон. Так же просто, как если бы великого гения спросили, откуда в его голове возникают столь мудрые и невероятные мысли, и он, на секунду задумавшись, с сомнением ответил: Потому что я такой.

– Тебе приснился страшный сон, – и после добавила, – и мне... тоже.

– Да, – спокойным голосом произнёс он, – похоже, и вам тоже.

Веки камнем упали на глаза Димы, и он уснул. Ошарашенная девушка простояла возле кровати ещё долго и не могла придти в себя.

«Похоже и вам» – повторила она про себя.

– Да, – сонно повторил мальчик, – похоже, и вам.

Дина вздрогнула и вышла из ступора.

– Малыш, подожди, не спи... ты же весь горишь, – но Диму уже пленил глубокий и долгожданный для него сон.

– Мы придём к тебе позже, милый, – она постаралась вложить в слова всю свою нежность и любовь, но выходило как-то не очень естественно, может потому, что она не умела и не любила врать, и уж тем более своему сыну. – Скоро будем...

– Но, мама, не оставляйте меня здесь, нет. Вы не придёте?! – надул губы малыш.

Ощупав взглядом своего мужа в надежде хоть на какую-нибудь поддержку, она повторила снова, – Мы скоро будем, милый!

– Сын, мы оставим тебя ненадолго, сходим в магазин и придём, – Настя бросила на мужа удивлённый взгляд – это были самые дурацкие, просто идиотские слова со стороны мужа. Уж лучше бы вообще молчал.

– Вы не придёте!? Я буду здесь один!? – ребёнок не мог поверить в правоту своих слов, но все факты твердили об одном – Да, мама?

– Димочка, тебе надо побыть здесь немного и всё, – ну не смогла она подобрать слова, черёмухой заволокло горло, а на глаза наступали предательские слёзы. Трудно оставлять своё чадо одного, и уж тем более больного ребёнка. Они не могли по-другому: оставаться в инфекционке врачи запретили, да и на работе дел полным полно. Вот и вынуждены были родители Димы всячески выскальзывать из цепких вопросов ребёнка. Говорить откровенную правду особого желания не возникало, ведь не хотелось расстраивать сына, но и тянуть нельзя было. – Ты болеешь, и... здесь тебя вылечат.

– Нет, – закапризничал мальчик.

– Всё мы пошли! – прозвучало немножко резковато, но всё же с любовью.

– Мама! – крикнул Дима, но его родители в спешке засуетились у выхода. Он хотел было кинуться к ним, но медсестра уже взяла маленькую ручонку в свою и притянула малыша к себе.

– Пока, мой хороший! Я тебя люблю! – бросила Настя, закрывая за собой дверь.

Родители ушли, и маленький Дима тихонько заплакал, утопая в горечи расставания и обиды.

– Ну-у-у..., ну... – присела молоденькая медсестра, – не надо плакать. Ты же знаешь, что мама и папа не могли остаться здесь, но они будут приходить к тебе каждый день. Вот увидишь! А тебя мы скоро вылечим.

Дина погладила мальчика по светлым волосам и улыбнулась, но маленький Дима никак не отреагировал. Не издавая ни звука, будто опасаясь, что его могут услышать, он так и продолжал тихонько бесшумно плакать. По щекам катились слёзы, которые малыш усердными движениями в спешке вытирал рукавом рубашки – уничтожал следы горечи на лице, чтоб никто не видел.

– Тебя ведь Дима зовут? Так? Да? – постаралась отвлечь его Дина.

Он кивнул, и словно откликнувшись на её попытки хоть как-то успокоить ребёнка, немного затих. В длинном белом коридоре никого не было, но всюду из-за закрытых дверей слышались голоса людей, какие-то странные звуки включенной воды, шаги этажом выше. В бледном туннеле, наполненном отпечатками болезней и лекарств, они были одни.

– А меня зовут Дина! – мальчик поднял голову и в первый раз посмотрел на своего собеседника, – ты ничего не бойся, тебя никто не обидит. И если тебе что-нибудь понадобится ты не стесняйся, подходи ко мне. Хорошо?

– Ладно, – кивнул Дима, вновь вытирая с лица последние предательские следы его расстройства. Больше не будет слёз – как ни как, но мальчик уже взрослый, он же мужчина, а большие мальчики не плачут. Сзади, совсем близко, послышался скрип открываемой двери: вышел мужчина в синих растянутых трико и затасканной майке. Шаркая не менее морщинистыми, как и он сам, тапками, он направился в другой конец коридора, по-видимому справить малую нужду. Дина поморщилась и, улыбнувшись, добавила:

– Ну, хорошо, Димочка, пойдем, я покажу тебе твою палату.

Ужас, снова необъяснимый ужас, снова необузданный жуткий страх сжигает изнутри, снова и снова тело обволакивает горькое обидное чувство беспомощности. Попытка закричать, но нет ни звука. Лёгкие наполняет тяжелый воздух, и вот уже вопль ужаса и страха готов выплеснуться наружу, но... Нет ни звука, ни стопа, только слабый еле слышный писк умирающей лампы, которая уже наполнила палату моргающим перешёптыванием живого мрака и искусственного «мёртвого» света. Нет ни звука. Его больше не существует, потому что голоса больше нет, как и нет рта – ничего нет. В какой-то миг всё просто прекратило существовать, мысли переплелись в один большой колючий клубок страха. Нет тела, нет боли, нет чувств, только он, этот невидимый монстр, который всё глубже и глубже вгрызается в душу.

Впереди только потолок, по бокам голые бледные стены и больше ничего. Ничего, кроме жуткого необъяснимого страха. Мерзкая дрожь цепкими лапками тысячи пауков пробегает по телу, и уже нет сил терпеть её. Как же хочется закричать, хочется пошевелить рукой или ногой, вздохнуть хоть одной клеточкой! Но на жалкие старания овладеть своим организмом монстр вонзает всё новые иглы безумия.

Малыш чувствует, видит, слышит, но ему очень-очень страшно, ужасно страшно, невозможно разъяснить как страшно. Боже мой, так страшно, что раз за разом в голову врывается плотный туман – муть настигает разум. Мозг ребёнка на время отключается, словно защищая

хозяина от неведомой и необъяснимой атаки страха, чтобы окончательное безумие не овладело им. Минутное помутнение в широко открытых глазах, которыми мальчик не в состоянии даже моргнуть, и он опять видит палату.

«Это не сон» – издевательски шепчет страх, стаскивая защитное покрывало и возвращая сознание в реальность. – *«Смотри. Ты снова здесь, в своей палате. Один.»*

Туман рассеивается, и малыш опять видит потолок, где поджидающий его страх тут же набрасывается и накрывает ядовитой паутиной снова и снова, не оставляя ребёнку надежды на пощаду.

Как и прежде, Дима стремится закричать (ведь прошлой ночью у него получилось), но сегодня все попытки с треском проваливаются. Ничего не выходит, лишь минутные провалы в бездну тьмы позволяют ослабевшему от нападков монстра рассудку передохнуть и снова вступить в бой с неведомой силой. Безумие уже рядом – ещё шаг, ещё миг, совсем чуть-чуть и мир покинет его нутро, но... Защитный импульс воли, и мальчик на миг «засыпает», чтобы через секунды «проснуться» и продолжить бой. Страх. Снова и снова страх.

Слабый свет извечноумирающей ночной лампы оскорбительно подмигивает, раздражает и без того усталые глаза. Его колеблющиеся тревожные переливания, будто музыка палача, вот уже вторую ночь истязают ребёнка. Страх и этот гадкий мертвенный свет словно сговорились друг с другом.

После очередной схватки Дима закрывает глаза.

«Боже мой, я закрыл глаза, у меня получилось, я сплю.»

Приятная слабость щекочет в голове, хочется уже, наконец, прекратить эти мучения, забыться и провалиться в сон. Но не тут то было. То был всего лишь очередной провал в беспмятство, и как в тумане, ожившая картинка «холодной» палаты вновь приобретает свои привычные очертания. А монстр тут как тут: набрасывается с новой силой, кромсая в клочья и разбрасывая в безбрежный мрак разум ребёнка.

И так продолжается очень долго, до тех пор, пока, вдруг что-то начинает происходить. С неизвестным противником вступили в бой воображение и мысли, освещая арену поединка невероятными красками способов борьбы. Они выстроили чудные образы и картинки тех вещей, которые нельзя даже представить. Дима увидел мерцающие круги, причудливой формы силуэты тех, кого нельзя представить. Разноцветные пятна, цвет которых нельзя представить. Они появлялись в самых разных местах и исчезали, затем вновь возникали и ускользали прочь.

Но страх не дремал: он тут же безжалостно набрасывался и уничтожал то, что творил мозг ребёнка. И, вопреки власти невидимой беспощадной силы, круги появлялись снова. Вот уже разноцветные пятна превратились в шарики и вступили в борьбу. В бесконечной каше цветов и форм вырисовывались герои мультиков, которые Дима любил смотреть по телевизору. Словно на сцене театра, мультяшки играли новые невиданные серии на потолке.

И всё бы хорошо, только опять появился монстр-страх (правда он никуда и не уходил), который налетел и без капли жалости зубастой пастью разорвал защиту ребёнка. В клочья, в пыль, в прах. Страх, снова страх, снова крик внутри, нестерпимый ужас, вынуждающий в очередной раз провалиться во тьму истерзанной разума.

Потеряв счёт времени и жизни, мальчик пролежал так уже бесконечные четыре часа.

Его мозг старательно выстраивал чудные картинки неведомых животных, прекрасных чудищ и отвратительных сказочных самоцветов. Он видел всячески поражающие воображение различные причудливые фигуры, кривые тонкие и толстые линии, цветные и не цветные пятна. Обессиленный разум отважно защищался, демонстрировал всё что мог, даже то, что никогда не видел и не увидел бы.

На фоне хаоса линий, цветов, различных пёстрых фигур мальчик разглядел силуэты людей (или не людей). Два маленьких космонавта (как подумал Дима) сразу же привлекли внимание. Они приземлились на потолке рядом с люстрой, по-видимому посчитав это идеаль-

ным местом для посадки. Люди (или не люди) были одеты в блестящие комбинезоны, очень напоминающие серебристую плёнку. Мальчику показалось даже, что эти человечки обернули себя в фольгу от шоколадки, а поверх натянули обычный полиэтилен. На голове скафандры с открытым забралом, но вот лица почему то не видно, и как не старался Дима рассмотреть, кто скрывается за шлемом, так ничего не выходило.

«Может потому что они слишком маленькие и мне не удаётся увидеть их лица», – успокаивал себя мальчик. – «А может там ещё один шлем»

Корабль пришельцев появился рядом (и как это Дима его сразу не разглядел), но также был слишком уж маленьким. Как ни странно, окунувшись с головою в исследования появившихся образов космонавтиков, малыш и не заметил, как истязатель-страх исчез. Ребёнок так увлёкся возникшими в его палате гостями, что тут же забыл про изводящий его кошмар. Страх ушёл, только пришельцы ничего не знали о нём. Они суетились на потолке, старательно хлопотали, бегали вокруг корабля и о чём-то неслышно толковали. Один космонавт что-то усердно объяснял другому, возможно причину поломки, а потом в стремительности и весьма неожиданно повернулся к Диме. Чудно, но и сейчас лица не было видно – вообще ничего. Пустота. Безликий замер и, вдруг, сказал:

– Привет.

Мальчик вздрогнул, и страх неистовым сокрушительным молотом ударил его. Обозленной болью отчаяния и безысходности, скрутивший тело, будто в узел, кошмар заставил Диму заорать, что есть мочи. Гости тут же исчезли, как и их корабль. Всё вокруг неожиданно испарилось, оставив мальчика наедине с монстром. Снова они одни – только он и страх.

Знаков кричал. Кричал до тех пор, пока его не обняла тьма.

– Мне послышалось?

– И что же тебе опять послышалось? – вздыхала Светлана. Тяготы рабочих будней, точнее – ночей, выжимали соки – нелегко воспитывать двоих детей одной. А тут ещё и сотрудница уже какую ночь сама не своя: белая как лист, вздрагивает от каждого шороха, совсем не разговаривает. – Что ещё?

– Это в седьмой палате... – выставила испуганные глаза Дина. – Слышишь?

– Да-а-а... я смотрю, у тебя в последние дни нервишки не то чтобы барахлят, совсем никудышные!?! Вчера всю ночь без лица ходила, бледнющая как... вон побелка, – возмутилась Света. – Он там, чем тебя так напугал?

Но младшая медсестра будто её не слышала. Сквозь окно поста она уставилась на дверь под номером семь, и казалось, ждала чего-то.

– Как сходила мальчонка проведать, так и всё... – развела руками старшая, – ...подменили её. Мало того, что бледня, так ещё и дрожит сидит непонятно от чего. Ты думаешь, я ничего не вижу?

Дина молчала. Что могла сказать в ответ девушка, которая не то чтобы не хотела поверить своим глазам и принять невообразимое на веру, сама мысль, что подобное творится до сих пор, именно сейчас вот в эту самую минуту в той жуткой палате, а она сидит здесь и ничего не предпринимает, приводила в дикий ужас.

– Ну, что тебя так напугало? – переживала за подругу Света. – Думаю, тебе нужно поработать в день, а то эти ночные смены высосут из тебя последние...

– Никто не пугал меня, – наконец, оторвав глаза от двери и опустив подбородок вниз, ответила Дина.

Правда, получилось весьма фальшиво и натянуто – ей не хотелось вспоминать вчерашний визит к мальчику, только увиденное, как след на сыром песке, навсегда отпечаталось в

памяти. Она никак не могла выбросить из головы чёрные глаза и этот жуткий звук, исходящий от ребёнка. Когда девушка пришла домой, не смогла и глаза сомкнуть: весь день пролежала в кровати, ничего не ела и не пила. В итоге так и не отдохнула.

Она старалась собрать мысли и, в конце концов, убедить себя тем, что разыгравшееся воображение сыграло с ней злую шутку и что ей всё это просто почудилось. Вот только это никак не удавалось, и спокойствие в этот день не посетило её душу. Картина ночного кошмара снова и снова всплывала перед глазами, затопляя последние островки хоть каких-нибудь разумных объяснений.

С наступлением вечера, когда Дина вынуждена была придти на работу, её обуял непреодолимый страх темноты. Оно и понятно, ведь ночью придётся идти туда, где находится он... или что-то, что пока не в силах объяснить. Идти к мальчику в палату, туда где повстречался страх. Правда, девушка ещё не знает, что не ей одной.

У неё возникла мысль договориться со Светкой, чтобы она проверяла малыша сегодня, но она тут же прогнала столь соблазнительную идею, поскольку такая просьба безусловно приведёт к возникновению различного рода вопросов. Тем более, что весьма глазастая и чересчур любопытная подруга ещё вчера заметила встревоженное состояние Дины.

Да и как, какими такими словами она объяснила бы ей? «Слушай, подружка, там, у мальчика чёрные глаза и жуткий страшный стон, от которого мурашки по коже. Сходи, посмотри, если не веришь». Светка не просто расхохоталась бы над ней – уже сегодня вся больница бы знала о пугливой молодой медсестре, которой по ночам чудится всякая ерунда, а ей здесь работать ещё не один год. Не хочется набрасывать на себя пожизненный ярлык трусливой истерички. Светлана – женщина не плохая, но вот язык во рту сложен в огромный рулон, и по мере необходимости, по команде хозяина, он имел свойство разматываться и становился очень-очень длинным, порой даже слишком. Поэтому не всё так просто.

Дина всячески уверяла себя в случайной нелепой игре её фантазии. Поначалу у неё даже немного получилось, и внутренние переживания скрылись под покровом усталости и социальных обязательств; но, оказавшись на работе, они вылезли наружу, и её снова охватил страх.

Девушка, во что бы то ни стало, решила поговорить с Димой. В течение вечера она донимала его вопросами «как он себя чувствует» и «не переживает ли он до сих пор разлуку с родителями», но ни слова о «ты сможешь мне объяснить, что, чёрт возьми, вчера произошло». Она спрашивала, интересовалась и наблюдала, старалась найти для себя хоть какие-то объяснения. С каждым словом боязливо заглядывала в его синие глаза, но ничего пугающего в них не находила. И мальчик отвечал ей, как ответил бы любой ребёнок: «всё хорошо», «родители пришли к нему сегодня и, что он по-прежнему хочет домой, очень хочет».

Всё просто и непросто одновременно: нет вопроса – нет и ответа. Ждать каких-то знаков или сигналов, нечаянно выскользнувшего слова глупо, поскольку сомнений в том, что малыш в действительности не понимает, что происходит, нет. Вот только, знает ли он, что всё-таки происходит или нет? Дина не могла оставить всё как есть, в неизвестности. Спустя долгие мучительные часы, она, наконец, решилась и аккуратно, чтобы не спровоцировать детский испуг (на самом деле, в этой ситуации она боялась ещё больше напугать себя), спросила о вчерашней ночи. Вопреки ожиданиям, Дима ответил ей, что ему приснился кошмар и было очень-очень страшно, а она вошла и разбудила его. Вот так. Всё просто и ничего лишнего. Такой ответ, в какой другой раз, может, и удовлетворил бы её, может и разъяснил бы присутствие необычного стона, но только не в этот. Как объяснить эти жуткие чёртовы глаза? Как? Это она не в состоянии понять. И сейчас ей оставалось только ждать и надеяться, что той кошмарной ночи впредь больше не повторится.

– Вот я, например, уже давно... ну, больше трёх лет или около того, работаю в ночь, – рассуждала Света, – и ничего, привыкла. Даже не могу теперь в день, ну вообще никак.

– Да уж... долго. Я бы не смогла, наверное. Всего-то два месяца, а у меня такое впечатление, словно прошли годы. – попытка оправдаться, и опять фальшивая. Не умеет Дина врать. – Устала, наверное.

– Верю, охотно верю, – оживилась Светлана, – и всё-таки после вчерашнего... посещения мальчишки... – она покачала головой и в колдовской гримасе, будто маг и волшебник, развела руками и тихонько проговорила, – ...ты стала другой. Кались давай, что случилось?

– Да что могло случиться!?! – возмутилась Дина, ничуть не скрывая, что краем уха прислушивается к звукам из палаты напротив: вроде бы ничего не слышно, никаких стонов и никаких... «никаких чёрных глаз»

– Ладно, ладно, – попыталась обидеться Светка, – не хочешь говорить и не надо! Наверное, видела приведение? – и она скорчила рожу.

– Свет, ты зачем ерунду болтаешь? Ну, что могло там произойти со мной? – стыдливой натянутой улыбкой защищалась девушка. – Какое ещё приведение? Чуть!

– Не знаю, не знаю, – задумалась Света и поспешила нахмурить брови, тем самым, утаив от младшей улов в форме явных недоговорённостей и обеспокоенности, которые предавали Дину.

Светлана была на десять лет старше своего товарища по работе и относилась к той категории людей, кто мог «прочитать» практически любого человека, причём давалось ей это с удивительной интуитивной лёгкостью. Это был её дар от бога. Она улавливала ложь человека, чувствовала его тревоги и печали, и всегда в своих суждениях и мыслях о человеке попадала в точку. Света смотрела на Дину, и читала книгу под названием «уж извини, но я не хочу тебе рассказывать».

– Ничего я не видела, – произнесла девушка и снова бросила тревожный взгляд на палату. Сейчас ей, неожиданно показалось, что она слышит... слышит стоны.

– Ну, что ты опять? Ты даже отвечаешь, как первоклассник, нашкодивший в туалете, – забурчала Светлана, отметив для себя очередные перемены на лице младшей. – Что там?

– Слышишь? Он плачет, – прошептала Дина. Едва уловимый чем-то напоминающий стон звук доносился из той палаты, которая сегодня сконцентрировала всё внимание младшей на себе.

– Теперь слышу. А ты что шепчешь? – удивилась Светка. – Эй, да ты побледнела! Нет, подруга, так не пойдёт, тебе в срочном порядке необходимо успокоиться, причём немедленно.

Старшая выпрямила спину: не сказать, что до этого момента её осанка представляла скрюченный буквой «С» хребет, но сейчас, приняв воспитательную позу учителя, не понаслышке знающего, что нужно делать в подобного рода случаях, она показалась Дине действительно выше, чем обычно.

– Иди-ка, поспи пару часиков, тебе же будет лучше. И не думай, что мне трудно. Какая ерунда! – махнула она рукой и, улыбнувшись, поспешила добавить, – я так уж и быть подежурю пока одна.

Младшая уставилась на сотрудницу и, словно прогнав накатившую на неё дремоту, с неловким возмущением затрясла головой и шёпотом произнесла:

– Не пойду я спать – надо ребёнка успокоить.

– Да, что ты как неродная? Схожу я к нему, и всё будет в норме! Иди уже поспи, отдохни.глядишь, и нервишки восстановятся.

– Нет, не хочу. Я сама проверю, – настаивала на своём Дина и с какой-то неестественной светливостью оживилась, видимо окончательно прогнав полусон.

Воцарилось молчание. Ещё несколько секунд Света со всей возможной строгостью, которую только могло произвести лицо матери двух детей, обеспокоенной здоровьем своих отпрысков, смотрела на младшую, стараясь всё же постигнуть смысл странного поведения коллеги, и, наконец, сдалась:

– Ладно, как хочешь. Не желаешь отдохнуть, и не надо, – и тут же добавила, – Тебе нет смысла напрягаться, мы можем сходить вместе. И вообще, что такого в том, что схожу я? Нашла общий язык с малышом – отлично. Но ведь я здесь тоже не просто так нахожусь! – теперь образ воспитателя сменил образ человека, вынужденного отстаивать свои права. – Давай, всё же я схожу к нему?

– Нет, не нужно, я успокою, – бросила Дина и направилась к выходу, – тем более он уже привык ко мне.

– Ну, да, – возмутилась старшая и поспешила вставить, – Когда успел?

Только девушка уже не слышала её. Перебирая налившимися свинцовым страхом ногами, младшая двигалась туда... Где подждал он... Тот, кого на самом деле нет; тот, чьё существование – лишь плод разбушевавшегося воображения; тот, кто смог подчинить её волю и растоптать равновесие души и тела, оставив ужасный шрам в памяти. Какая-то невидимая рука, казалось, направляла её, клещами тянула туда... к мальчику.

«А ведь ничего этого нет, и не имеет смысла тащить туда свою задницу».

Маленькая робкая надежда загорелась в душе: ничего и не было, всему виной усталость, и... моргающий свет.

Чёрт возьми, почему она, вдруг вспомнила о нём? Почему именно сейчас, в эту самую минуту, когда путь длиной лишь в два десятка шагов превратился в вечность, когда тело не принадлежит себе, когда мир уже не тот что был раньше? Да что происходит?

«Да, что же творится со мной?»

Стук сердца, страдания души, обречённой навечно биться от неведомой болезни, и... его дыхание, источающее запах страха – вот что поглотило девушку. Мысли, одни только мысли вокруг. Они кружатся, вертятся и колотят друг друга. Их бесчисленное множество, их бесконечная бездна. И ни одна не мчит к ней, ни одна не принадлежит ей. Дина впала в кому собственного рассудка: здравый смысл заплутал в беспросветной мгле и так и не смог отыскать дорожку назад.

И ещё этот мерцающий свет, будь он не ладен. Какого чёрта, и так некстати, он возник в её голове? Он сводил с ума (и когда это началось?), его блики обжигали и вынуждали ещё сильнее вздрагивать сердце.

«Ничего страшного. Абсолютно ничего. Правда?»

«Неправда»

«Думаешь?»

«Не думаю – знаю»

Один шаг, ещё один, затем ещё и... приветствуем безумие!

«Ничего страшного. За исключением этого поганого света и этих... глаз»

«Да, иди уже»

Дина взяла себя в руки и пошла (будто бы до этого момента она стояла), и каждый шаг встречал новую порцию тошнотворных мыслей, которые всё глубже и глубже, словно какую-то ненужную тряпицу на теле, стягивали душу вниз в пучину ужаса.

Когда наступил тот миг, в котором страх завладел ею?

Трудно себе представить, что случилось бы со Светкой, испытыв она прошлой ночью подобное. И не мудрено, как человек весьма эмоциональный и очень уж впечатлительный, медсестра наверняка восприняла бы всё слишком близко к сердцу. А как ещё? И что произошло бы следом? Невозможно вообразить, но скорее всего, увольнение с предварительным подрывом психического равновесия особо слаонервных и чересчур восприимчивых умов больницы.

Дина открыла дверь: в глаза ударил мигающий свет умирающей лампы, а из дальнего уголка палаты, как и вчера, доносился стон. Неестественный, больше напоминающий писк, плачь перегорающего прибора. Всё там же, возле старой заколоченной двери на своей кровати лежал мальчик.

«А куда ему деваться?» – вдруг, подумалось Дине, и от этой мысли остановилось сердце. Внезапно девушка поняла, что не просто боится – она сходит с ума. Просто так взять и чокнуться! Да что за мысли атакуют её голову?

«А куда ему деваться? Может, подскажешь? Может, наконец, объяснишь нам всё?»

Короткими нерешительными шагами Дина приближалась к месту, к которому в общем-то и не собиралась вовсе. Ноги сами вели её туда; зловещий угол притягивал тело, будто магнит; в голове творился беспорядок, осеняемый глумливой рябью чёрно-белого танца лампы. С дрожащими коленями медсестра приблизилась к кровати, её возбуждённый взгляд в буквальном смысле ощупывал полутьму в поисках нечто неестественного нечеловеческого.

«Где же оно? Где же?»

«Да, вот же! На получи!»

Истошный глухой визг ударил ей в ладонь – чтобы крик ужаса не оглушил покой других пациентов, она инстинктивно зажала рукой рот. То, что воспринимали глаза, наотрез отказался принимать мозг. Жуткая картинка застыла в той части разумного, которая ещё совсем недавно гордилась обоснованной рациональностью и в некоторой степени отрекалась от иного невнятного. словно под гипнозом, не в силах отвести глаза, девушка уставилась на мальчика.

«Тянущий» страх, затасив душу глубоко в конуру и растерзав последние клочки одежды, в надежде прикрывающие угасающие частички здравого смысла, обнажил своё лицо. В порыве ярости и всевластия он пнул в нижнюю часть тела, вынудив Дину схватиться свободной от сковавшего её кошмара рукой за живот. От нахлынувшего ощущения подступила тошнота, к которой присоединилась боль. Ни с чем несравнимый приступ омерзительного чувства, который девушке уже доводилось испытать однажды, и о котором ничуть не хотелось вспоминать. Откуда она могла знать тогда, что тот весёлый улыбчивый «парень с милой мордашкой» (уж очень ей нравилось называть особо симпатичных молодых людей именно так), окажется не таким уж и хорошим. Откуда ей было знать, что в ту несчастную весеннюю ночь она будет возвращаться домой в изодранной одежде, а онемевшие босые ноги оставят окровавленный отметины на всём пути. Откуда ей было знать, что сказки про монстров в облике добрых волшебников нисколько не выдумки легкомысленных поэтов. Откуда ей было знать, что плохие люди существуют не только в хрониках новостей, а свободно разгуливают по улицам среди других людей. Откуда ей было знать, что это вообще может случиться, и уж тем более с ней. Она не могла предугадать и то, что эта тупая ноющая боль будет возвращаться каждый раз, когда воспоминания, вдруг, напомнят о себе исподтишка и окунут в помойное ведро тех ненужных отрывков прошлого, которые так старательно пыталась выбросить девушка. И сейчас, именно в эту минуту, это гадкое чувство потянуло низ живота.

Мальчик лежал прямо, в позе оловянного солдата: руки вдоль тела, голова направлена вперёд. И всё бы ничего, но через пелену чёрно-белых вспышек лампы вместо лица Дина видела совсем иную картину: уродливый старик, точно обезображенное временем чучело, в хрупком детском теле устремил чёрные блестящие глаза в потолок. Дина застыла на месте. Нарастающий ужас, сковал каждую клеточку – невозможно пошевелиться. Зажав тисками рот, девушка закричала что есть сил, завизжала как пойманная кошкой мышь, но ни один звук не вырвался наружу. Нахлынувшая внезапно дрожь тут же переросла в дикую тряску и, казалось, вот-вот подкосит и без того окаменевшие ноги и расшибёт медсестру о пол. Преодолев невидимую преграду, сдерживающую от каких-либо действий, короткий вопль выскользнул изнутри и оглушил палату номер семь.

От громкого звука, мальчик вздрогнул, и на миг пространство поглотила тьма. Секунда, другая обернулись вечностью – всё глубже проникал страх. Чёрным пламенем безумия он прожёл глаза и вцепился в душу. Ещё чуть-чуть и девушка сошла бы с ума, но слабый свет умирающего прибора вновь озарил палату и, в буквальном смысле, выпихнул Дину из лап монстра,

вынудив лихорадочно цепляться за вспыхивающие клочки жизни ослепшие в беспросветной пропасти глаза.

Чучело исчезло. Мальчик взглянул на медсестру: усталые измученные глаза и рот, скривившийся в чёрном овале горечи. Жуткое зрелище, до сумасшествия напугавшее молодую медсестру, будто наваждение, появившись в короткий миг и заполнив промежуток времени, проскользнуло в пространстве и испарилось без следа.

– Приснился плохой сон, – тихим голосом, чуть слышно, произнёс малыш, скривился в ледяной улыбке, словно преодолевая боль, и добавил, – похоже, и вам.

«Похоже и вам»

Он закрыл глаза, тяжело вздохнул и провалился в сон, пробормотав напоследок:

– Похоже и вам... Да?

В палату вбежала Светлана. Старшая обнаружила, дрожащую девушку у кровати с ребёнком. Молодая медсестра уже не понимала, что происходит – её психика пошатнулась и, подключив защитный механизм, вырубилась реальное восприятие действительности. Девушка «ушла в себя», в момент позабыв весь этот кошмар. И всё же лучше, чем помнить, без всякой надежды забыть его в будущем.

Весь следующий день маленький Дима пролежал в кровати. Уставившись в окно, он равнодушно разглядывал присевших на голые ветки деревьев и залетевших, как ему казалось, проведать мальчугана весенних птиц. Мальчик чувствовал себя ужасно – паразитами в детском теле прижились усталость и разбитость. Ничего не хотелось, даже желания поиграть не возникало. Да и чем ему было заняться в этом проклятом месте, где кроме него нет ни одного ребёнка? Может только с мужиками из соседней палаты, которые так заботливо и неоднократно предлагали разбить партейку-другую, поиграть в карты. В своё время отец научил играть малыша в «дурака», и каждый раз, когда он звал сына Диму на поединок, тот благополучно справлялся с очередной задачей самоуверенного стратега, и иногда даже выигрывал. А что сейчас? Совсем неуместно и весьма несвоевременно, если учесть тот факт, что с ним происходит какая-то чертовщина. Конечно, он отказался, поскольку физическое изнеможение от ночных кошмаров тяжким грузом телесного бессилия присело сверху и придавило к кровати. Абсолютно ничего не хочется. Даже нет сил лежать, а ходить и вовсе.

Дима перелистывал детские книжки, напыщенные яркими цветными картинками, вертел игрушечный самолёт в руках, но основную часть времени, как сейчас, просто смотрел в окно. Разглядывал пернатых гостей, поющих для него на пустых ветках сонных деревьев; иногда, стараясь увидеть хоть что-нибудь интересное, заглядывал в тёмные окна домов напротив; прислушивался к звукам мчащихся мимо машин, пробуя разгадать, какой автомобиль проехал: грузовой или легковой.

Но что творилось внутри: ни играть, ни разглядывать иллюстрации в книге, ни смотреть в окно не хотелось. Спать он тоже не мог – хватало сил только лежать и больше ничего. Пару раз он вставал, да и то, чтобы справить нужду, и ещё вечером, когда приходили родители.

На улице стемнело, и кто-то постучал по стеклу. Дима сразу понял, кто это. Он привстал на кровати, заглянул в окно и радостно вскочил:

– Мама! Папа!

Малыш подбежал к окну, запрыгнул на стул и прильнул к прозрачной преграде. Снизу на него смотрели родители – поскольку окно первого этажа находилось достаточно высоко, было видно только их головы. Мама поприветствовала всё той же нежной улыбкой и помахала ему, а отец крикнул:

– Как дела, сынок?

Из-за наглухо закрытого окна, в целях теплоизоляции оклеенного полосками белой ткани, пробирались лишь отдельные звуки, и Дима потянулся вверх, чтобы открыть форточку. Он встал ногами на подоконник и с трудом дотянулся до шпингалета. Потребовалось немало усилий, чтобы преодолеть непослушный покрытый десятками слоёв краски штырь, и уже через секунду-другую ему всё же удалось открыть верхнее окошко. В нос ударил запах приятной свежей прохлады, у мальчика даже голова закружилась. Весна была в самом разгаре, и Дима не раз ловил себя, пусть и не осознанно, на том, что ему нравится вдыхать сырой аромат вянувшего снега, просыпаться под пенье птиц по утрам и на своём лице наслаждаться первым прикосновениям солнца. Бодрящая прохлада расплзлась по комнате и, будто пьяный дурман, закрутила карусель и ухватила власть над головой и телом. Стараясь сохранить чувство равновесия, мальчик слез с подоконника на стул, но потом запрыгнул обратно и прижался к стеклу.

– Дима, привет! – улыбнулась ему Настя. Только сейчас малыш понял, как же всё-таки сильно он соскучился по родителям, особенно – по маме. Её глаза излучали любовь, но переживания невозможно замаскировать натянутой улыбкой. – Ну, как мой маленький герой себя чувствует?

– Как дела, сынок? – повторился папа.

– Нормально, – ответил Димка так просто, словно пребывание в подобных местах – привычное дело.

– Ты зачем форточку открыл? Не продует? Может, закроешь? – посыпались мамины вопросы. – Не хватало тебе ещё и простыть в больнице.

– Да ничего-о! На улице тепло сегодня, да и ненадолго же открыл, когда пойдём – закроет, – вставил папа Алексей. – Да, сынка?

– Ну-у! Ну-у! Не болтай, чего не следует! Жалко мне моего мальчика, бледный какой-то! Ты вообще, как себя чувствуешь? – переживала мама.

– Нормально, – улыбнувшись повторил мальчик всё так же просто. И как же всё-таки он рад видеть своих родителей! В надежде, что вечером они заберут его домой, Дима прождал весь день. Домой, где не будет жуткой пустой палаты, страшных уколов, где ему будет хорошо, и, конечно, дома эти уродливые сны не найдут дорогу к нему.

– Нас не пускают к тебе – только «передачи» можно. И, ко всему прочему, вкусенького мы ничего тебе не принесли, потому что врач сказала, что ничего такого нельзя, – поспешила оправдаться Настя и тут же добавила, – вот когда тебя выпишут, купим тебе всё, что пожелаешь!

– Да, да! Наешься-я конфет и апельсинов! – с радостью подхватил отец и постучал по стеклу, добавив, – Так, чтоб одно место слиплось!

– Мама, а когда вы меня заберёте? – слезливо спросил Дима. – Я домо-ой хочу.

– Сладенький мой птенчик, – засюсюкала мама, сердечко которой внутри так больно сжалось, что выскочила и побежала по щеке слеза, – ещё чуточку и... тебе придётся здесь провести ещё какое-то время, но оно пролетит так быстро-быстро, что сам не заметишь...

– Сколько? – потребовал малыш. – Ну, сколько, мама?

– Сыночек, тебя ведь только положили, а тебе лечиться ещё три недели, – попыталась успокоить ребёнка Настя.

– Это долго-о-о, – капризничал мальчик, – я хочу домой.

– Ну-у, сы-ын! – вмешался в разговор отец, – не реви, ты же мужчина. Тебе лечиться надо, а то умрёшь, – успокаивал он Диму несколько жестковато, по-мужски что ли.

Но мальчик уже не желал утихать – его пугала сама мысль, что он пробудет здесь (именно здесь, в этой палате) ещё целых три недели. Возможно, в свои шесть лет он до конца не понимал, сколько это дней, но уже знал наверняка, что это три раза по два выходных дня, между которыми присутствуют посещения детского сада, и значит – это много, очень много.

– Малыш, – нежно произнесла мама, – пойми, необходимо побыть здесь ещё... вылететь до конца, а после – мы тебя заберём. Так нужно, понимаешь? Иначе нельзя, ты же нужен нам здоровым и сильным!

Удивительно, всё-таки, как мамина ласка, пусть даже это только слова, могут подействовать на родное чадо. Голос матери волшебным образом творил чудеса, и мальчик перестал хныкать.

– Конечно, и скоро мы тебя заберём, – вставил папа Алексей, – ты же наш.

– Мы ведь любим тебя и никогда не бросим, – вновь улыбнулась мама, – Я люблю тебя, малыш!

К глубокому сожалению, не каждый мальчишка в своей жизни на слова матери «я тебя люблю» отвечает ей тем же. В большинстве случаев дети просто отмалчиваются или выдерживают паузу, словно так и надо, будто так требует от них мужское начало. Что тут скажешь, даже будучи уже взрослыми, в полном расцвете сил, мужчины не всегда говорят своим матерям, что любят их, а некоторые – никогда. Такова мужская природа: сдержанная, скупая на эмоции и немного принципиальная. Редко, очень редко, крайне редко, мальчики подростки юноши и мужчины говорят матерям, как же безумно на самом деле они обожают и любят их. И это правда. Мальчик Дима не исключение из правил. Имея непосредственное отношение к числу сильной половины человечества, он в очередной раз просто привычно отмолчался, правда, его детские глазки с неподдельной преданностью обняли маму и в безмолвии шепнули: «И я люблю тебя, мама».

– Только не упади с подоконника, Дима, – разволновался отец, – а то слетишь махом, и навернёшься головой, как космонавт.

«Космонавт»

По телу пробежала холодная дрожь. Ему, вдруг, привиделись обрывки ночного кошмара. Странно, но в течение всего дня, как ни старался измученный бессонными часами мозг восстановить в памяти события ночи, но так и не смог возобновить картину ужасного сна. Мальчик прекрасно помнил страх (разве такое забудешь), воссоздал и пустую палату в мерцающем свете, выскреб из глубины сознания какие-то непонятные причудливые картинки на потолке. Но вот, что именно он видел, голова так и не смогла воспроизвести. И сейчас Дима услышал слово «космонавт», и что-то детонировало внутри – внезапным фейерверком вспыхнула картина ночных видений. И настолько чёткая, что в одно мгновение он вспомнил всё до мельчайших подробностей, ясно увидел образы маленьких гостей и их забавный малюсенький корабль. Множества мелких оттенков сна, вдруг, воскресли и озарили память.

«на них была плёнка, и у них нет лица»

«они забавные и... они хотели поговорить со мной»

Не хотелось Диме так думать, ужасно не хотелось, но назойливая мысль штопором ввинчивалась в голову. Собирались поговорить. Но почему? Зачем? И в голову не приходило мальчишке, что ночные гости – лишь плод детских фантазий. Намного проще считать, что космонавтики настоящие, неподдельно живые. По-видимому, от необъяснимого травящего страха, обессиленный детский мозг выбрал именно такой способ защиты и воспринял возникшие образы как реальность. Вот только, что реально, а что – нет, трудно определить.

Немного погодя родители ушли, и мальчик слабо припоминал, о чём они беседовали. Мысли были о другом: после невольно брошенного отцом заколдованного слова «космонавт», разноцветьем ощущений и впечатлений закувыркались образы, в туманной мгле ночного ужаса которые болезненно застряли в голове и не давали покоя. Странные гости пугали, но, в то же время, притягивали.

«человечки без лица»

Они настолько заострили на себе всё Димкино внимание, что весь остаток вечера он думал только о них и был уверен, как никогда, что их следующая встреча состоится уже совсем

скоро, может даже, сегодня ночью. «Космонавтики» приснятся ему, непременно прилетят, и уж на этот раз он поговорит с ними, если, конечно, они того пожелают. Это необычайное убеждение так обрадовало его, что он не обратил внимания, как перестал бояться их. И как же ему захотелось сейчас поделиться с кем-нибудь о своём заключении и всё рассказать, поведать о странных чудных гостях, наведавшихся ему ночью, что он тут же вспомнил про девушку-медсестру по имени Дина. Малыш зарёкся, что обязательно расскажет ей обо всём и прямо сегодня.

Но в этот вечер поделиться впечатлениями с Диной ему так и не удалось.

Опять это жгущее чувство внутри, эти изнуряющие пытки, это паническое ощущение безысходности. Как бы он хотел избавиться от всего этого и не испытывать больше страх. Почему, почему же это происходит? Что нужно сделать, чтобы истязатель ушёл, покинул разум и тело мальчика? Что для этого необходимо? Как быть? Бесконечность пролетела перед глазами. Дима думал: сейчас он сойдёт с ума – больше не выдержит гнетущее бремя неведомой силы. Но малыш продолжал бороться. Пока оставалась хоть какая-то надежда вновь запустить стрелу помощи в реальную среду, в тот самый мир, где нет ни страха ни печали, где дышишь воздухом и вкушаешь прелести настоящей жизни, он бился.

Метнуть посыл – закричать, и тем самым позвать на помощь. Получиться? Удивительно, после двух, практически бессонных ночей, ему хватало сил сражаться, сражаться с невыносимым иродом. Что за напасть обрушилась на малыша? Что за недуг поразил маленького человека? Мелкая дрожь пульсировала по телу, и страх, будто кислота, разъедал всё то, что ещё сохраняло способность жить. Исступление, и снова край бездонной пропасти, в которую внутренняя, возникшая из неоткуда, жестокость и злоба бросает вновь и вновь. Уничтожить, раздавить, погрузить во тьму.

Какая-то ещё не порабощённая часть мальчика была уверена, что придёт она и снова спасёт его, как делала уже не раз. Да, где-то в закромах избитого рассудка он ждал Дину, ту девушку, которая дивным образом буквально вырывала его из воображаемого капкана и приводила в себя. Димка не помнил и не знал, что разговаривал с ней прошлой ночью; он даже не догадывался (откуда ему было знать), что девушка до ужаса боится его. Мальчик сохранил лишь обрывки воспоминаний: как приходила она, в обличии доброй волшебницы, прогнала страх и вызволила ему «наружу», а после стало так хорошо и легко, что пуховым покрывалом обхватил сон и приласкал нежным теплом сладостных объятий.

Но пока спасительницы не было, маленький мальчик, раз за разом, предпринимал попытки закричать, стремился пошевелить частями тела, но всё тщетно. Он чувствовал, как его лихорадит, как холодной и колючей вибрацией проносится по его телу дрожь, как ненависть, будто паразит, сживает иссякающие остатки разума. Маленький Дима знал об этом, как и знал то, что на самом деле, в реальности, его трепещущее в муках тело абсолютно не подвижно.

«Как же невыносимо всё это»!

Всё происходит внутри: мальчик до ужаса боится чего-то, но вот чего... неизвестно. Как в страшном сне! Но это не сон, ведь он не может проснуться, к тому же, он видит потолок, свет лампы, дразнящий непокорные глаза. И когда ему особенно страшно, её подмигивания становятся интенсивнее и быстрее.

Малыш набирается сил и кричит, что есть мочи, визжит со всей силы взхлёб, надрывая голос, *слышит*, как задыхается от собственного крика.

«Как же мучительно, как же это нестерпимо»!

Только короткие провалы в беспмятство спасают ребёнка от сумасшествия. В который раз ему кажется, что ещё чуточку и он сдастся и ...

«Что тогда? Умрёт? Свихнётся? Или ещё что?» Он не знал, и совсем не хотел знать. Больше всего на свете он боялся остаться там, в своём ночном кошмаре, остаться навсегда. Эта мысль приводила его в ещё больший ужас, чем он мог испытать сейчас.

Присутствуя как бы вне тела и, в то же время, внутри него, мальчик не имел власти над ним. Всё видеть, слышать, чувствовать без всякой возможности пошевелиться; не закричать, не вымолвить и слова, только лежать и бояться; остаться там, в мире кошмаров, быть запертым между двумя мирами: реальным и нереальным. Что может быть ужасней?

Иногда, между секундными провалами, он отчетливо испытывал некую двойственность в себе. Казалось бы, он здесь в комнате лежит на кровати, но, в то же время, где-то в совершенно другом месте – телесная оболочка уже не принадлежала ему. Мальчику даже пришла дикая идея, что он вполне сможет повернуться внутри собственного тела, и сделает это. Но страх крепко держал его и не мог позволить пленнику сделать это.

После очередного помутнения рассудка Дима словно заново погружался в собственное тело, и на правах хозяина силился подчинить его, но у него не получалось никак – точно дикий зверь, страх подстерегал жертву, набрасывался и поглощал частички жизненной силы ребёнка.

Провал в бездну, а после – страх; за ним ещё провал и снова страх, и так по замкнутому кругу. В какой-то безумный миг мальчику, вдруг, показалось, что страх – это не просто ощущение травмированного разума, а вполне живое существо. И этот живой монстр совершенно реален, как и сам Дима. Существо, именуемое страхом, доподлинно существует. Каждый вечер оно приходит к нему, выжидает, когда жертва уснёт и набрасывается, вонзая в бедное дитя свои ядовитые клыки. Монстр пробуждает ребёнка и приступает к трапезе, где на ужин, как и прежде, Димкин разум.

Вот уже третью ночь (уже третью) это существо истязает мальчика, отделяет очередной кусочек сознания и никак не может насытиться. Что дальше? Что же случится, когда этот ненасытный червь обглодает последнюю частичку жизни? Что тогда? Мальчик умрёт? Свихнётся? Или ещё что?

«Боже мой, какое огромное желание закрыть глаза и уснуть, на миг забыться и провалиться в сладостный покой».

В очередной раз, когда безумие подступило слишком близко, провал в бездну не наступил. Оставив бедное дитя на растерзание страху, помутнение рассудка не было, а вместо кратковременного беспамятства, пришли они. На мерцающем полотне потолка появились долгожданные человечки. Только сейчас Дима, вдруг, понял, что совсем забыл про них, а ведь он так хотел встретиться с ними. Безликие космонавтики явились неоткуда, как и прежде, забегали вокруг корабля, принялись спорить между собой, и несколько раз даже норовили подраться друг с другом. Как же интересно было смотреть на них! Такими забавными они казались! Увлёкшись наблюдением, Дима сразу и не осознал, что вечноголодный монстр-страх ушёл. Мучащее ребёнка, вот уже который день, существо исчезло.

Страх ушёл, а маленькие люди в костюмах из блестящей плёнки носились по потолку и стремились разрешить какой-то конфликт. Сегодня на их головах отсутствовали скафандры – вместо них были капюшоны, но лица по-прежнему отсутствовали. Один космонавт сбил другого прыжком, и они повалились кубарем – началась оживлённая борьба. С минуту покувыркавшись, один из них победно встал, отряхнулся и повернул голову к Диме. Мгновение мальчик и человечек смотрели друг на друга. Дима не мог видеть его глаз, и не потому, что их закрывал капюшон, просто их не было. Вместо лиц чернота, но малыш знал, что в этот самый миг космонавт смотрит не куда-нибудь, а именно на него.

– Привет! – крикнул человечек и помахал рукой.

Мальчик почувствовал, как нелегкий испуг пробежал по коже, как забарабанило сердце. Диме тут же захотелось заглушить стуки – он боялся, что космонавтики услышат их, увидят его страх и не захотят разговаривать с ним. Но человечек повторил снова:

– Эй, Дима! Привет! – замахал он руками интенсивнее.

– Привет, – выдавил из себя мальчишка, в то время как космонавт продолжал смотреть на него и махать своими коротенькими ручонками. Спустя секунду, человек опустил руку и улыбнулся (Диме хотелось так думать, а может быть, ребёнок просто знал, что тот улыбается ему). Он повернулся к товарищу, который никак не мог подняться – пробовал и так и сяк, но каждый раз падал снова и снова, как кукла «неваляшка-наоборот», выходило довольно неуклюже и даже смешно, и сказал:

– Да, вставай уже! О-о-о... – раздражённо. – Что ты как осёл?

– Сам ты дурак, – обиделся другой космонавт. Он уже встал на ноги и сейчас старательно отряхивал себя. – Я не осёл.

– Я же пошутил, пошли давай, а то опять опоздаем, – заторопился первый и направился к кораблю.

Второй же человек, с особой тщательностью отряхнувшись, поднял голову и взглянул на мальчишка:

– А, это ты? – Как-то очень обыкновенно и безмятежно произнёс тот и добавил, – привет, Дим.

– Привет, – уже не так боязливо произнёс Дима.

Когда первый уже подошёл к кораблю, он остановился, повернул голову к мальчишке и сказал:

– Ты, главное, ничего не бойся. Хорошо?

– Я уже не боюсь вас, – удивился Дима, столько не вопросу, сколько собственному довольно смелому ответу.

– Ну, вот и ладно. Не надо бояться, тем более нас, – и маленький человек неожиданно сделал серьёзное лицо и громким командным голосом прокричал:

– Не бойся, Дима! Всё будет как надо.

– А как надо? – не прекращал удивляться мальчишка.

– А где же смод, так мы все будет плющ и жизнь в раз ге-ге-ге, – что-то непонятное пролепетал первый.

– Почему ты так странно говоришь? – недоумевал Дима.

– Потому что я вррр...врр...врр... – заголосил первый, и в голове мальчишка, вдруг заиграла знакомая музыка. Потряхивая из стороны в сторону руками, как заведённая игрушка, космонавт продолжал петь какую-то ерунду, – врр... врр... вирр... вирр... иии... яяя... я... я... ви... ви...

Мальчик наблюдал за невразумительным зрелищем и прислушивался к знакомой музыке. И где же он мог её слышать? Картинка на потолке внезапно поплыла, за ней неожиданно исчез и сам потолок, музыка заиграла всё громче и громче, а человек, продолжая акробатический танец безумца, запел:

– Я... я... я водяной я водяной, никто не ... со мной...

Потолок окончательно растворился и Дима увидел перед собой телевизор, а спустя ещё миг, обнаружил, что сидит на диване в коридоре и смотрит мультфильм. И всё стало таким реальным таким живым и настоящим. От такого необъяснимого поворота событий у мальчишка даже закружилась голова.

Он огляделся по сторонам: всё верно, он находится в коридоре больницы, сейчас утро, и скоро будет очередной укол или уже завтрак. В окно пробился свет восходящего солнца, от которого заболели глаза и заныли виски, а остальном всё отлично. И не смотря на всё это, ребёнка несколько не напугал такой поворот событий, напротив – Дима чувствовал себя прекрасно, замечательно.

Как он оказался здесь и куда, вдруг, подевался его сон? Сейчас это абсолютно не волновало его. Главное, что впервые за последние дни малыш чувствует себя прекрасно. Он

выспался, отдохнул. И сейчас, уткнувшись в телевизор, мальчик сидел на мягком диване и нисколько не вспоминал о том, кто не давал ему покоя вот уже какую ночь подряд. Ему было хорошо.

Погрузившись в атмосферу счастья и безмятежности, мальчик сразу и не заметил как тихонечко на цыпочках, чего-то опасаясь, подошла медсестра Дина. Девушка присела рядом и украдкой заглянула в его глаза. Наградила малыша улыбкой, но её напряжённое лицо, измученный бессонными ночами взор, в котором, помимо тревоги, проглядывалось что-то ещё, не могло скрыть основного секрета. Сам того не понимая, Дима читал её, как открытую книгу. Внезапно, где-то глубоко внутри он понял всё. Когда наступил тот миг, когда его ночные кошмары превратили настоящую реальность в сон, и каждый день погружился в туман? Только сейчас он до конца осознал всё. Как и то, что девушка до ужаса боится его ночных кошмаров и не спит уже который день. Ну, конечно же, он знал это! Или нет. Мальчик проснулся, а медсестра, как будто, стала частью его снов. Как живое истинное воплощение доброй феи, которая придёт и спасёт его душу от злобного монстра, она смогла убедить израненный разум в способности бороться и жить дальше. Их объединила одна общая тайна, но они никогда не будут говорить о ней, никогда не поделятся ей друг с другом.

Однажды, совсем недавно, девушка помогла ему. Но сегодня произошли изменения, и добрая волшебница не пришла. Правда прогонять мучителя и не пришлось – страх ушёл сам. «Страх больше не вернётся», – так думал мальчик, но..., к сожалению, ошибался.

– Ну и где ты была? Подзолкова, между прочим, интересовалась, ой как интересовалась, куда это запропастилась моя молодая напарница... – возмущениям старшей не было предела, – ... и мне пришлось сказать, что у тебя проблемы дома, и что ты, якобы, звонила мне сегодня и предупредила...

– Свет, извини, – попросила Дина, надевая впопыхах халат, – у меня так вышло.

– Извини, значит! Ничего, – протянула напарница, и как будто бы успокоилась, – только ты больше не делай так, а то сама знаешь эту... – она скорчила лицо, стараясь изобразить жестокую гримасу, – ... нашу начальницу... боссиху! Умывальников начальник и мочалок командир.

– Что-что? – безучастно спросила Дина. Она уже успела накинуть халат и сейчас старательно застёгивала пуговицы, правда, получалось не очень – от спешки тряслись руки.

Светлана на миг замерла – морщинки на смуглом лице разбирали глупое удивление, а, спустя ещё секунду, женщина залилась заразительным хохотом!

– Ты чего? Что смеёшься? – такие перемены в поведении коллеги слегка шокировали девушку, и вытащили из замкнутого внутреннего пространства, в котором последнее время она находилась, – дак, ты что ржёшь, Света?

Но сейчас старшая была уже не в состоянии ответить ей – пополам согнувшись на стуле, Светлана продолжала громко хохотать. И таким прилипчивым выходил смех, что Дина невольно заулыбалась, хотя до сих пор находилась в недоумении, что же такое случилось с коллегой.

– У-у-у...мочалок командир, – преодолевая собственный смех, выдавила с трудом медсестра – а-а-а...ха-ха-ха...мочалок командир!

И натужно набрав полную грудь, женщина захохотала пуще прежнего, да так, что в ту же секунду чуть не навернулась со стула. Не в силах сдерживать порыв нахлынувшей радости, медленно сползая со стула, она встала на коленки, прижала лоб к полу и притихла, словно уснула. Лишь импульсивное подрагивание тела, свидетельствовало о том, что медсестра продолжала хохотать. Ошарашенная Дина, вдруг, всё поняла: уголки её рта высоко поднялись, и в тот же миг зажглась улыбка.

Если бы в это время кто-нибудь проходил мимо ординаторской, то наверняка предположил, что две медсестры в раз сошли с ума... или, может быть и вероятнее всего, выпили чего-нибудь горячительного, в итоге: напились, и на свет появилось безумное веселье. Уж больно громким и выразительным был их смех, и со стороны мог показаться даже немного диковатым. Руками прикрыв набухшее, покрасневшее от натуг радости лицо, Света сидела на полу. Оперев руки о стол, её младшая напарница стояла рядом и гоготала в унисон.

– Вот ведь бывает... ха-ха-ха, – задыхалась Светлана, – вот ляпнула... дура!

В ответ Дина спешно вытерла мокрые от радости глаза и хотела было что-то сказать, но не смогла: по-видимому, девушка до конца осознала причину необыкновенного всплеска эмоций и, не в силах выдать и словечка, с новой силой залилась смехом. Старшая взглянула на неё, и едва успев наполнить грудную клетку воздухом, она ничком упала на пол и затряслась от хохота. И так продолжалось ещё может минут пять-десять, пока радости хватало сил трясти их души.

– Э-э-э...мочалок... э-э-э... – выговорила Светлана. Смех ещё не прекратился, но немного угас, пошёл на спад, – Вот блин! Ну и ну...бывает же...блин!

– Значит, говоришь мочалок? – кольнула Дина. Она протирала раздумянившееся мокрое от слёз лицо халатом и улыбалась.

– Имен-н-но...мочалок командир! – воскликнула старшая. По истечении ещё минуты хохот завершился, Света поднялась с пола. Она попробовала хоть немного отдышаться, только получалось не совсем удачно – с её лица упрямо не собиралась уходить улыбка.

– Значит, ты мочалка, а наша заведующая Подзолкова выходит командир? – с радостью заключила Дина.

– Мы мочалки! – поспешила поправить Света. – Мы мочалки! И надо же было такую фигню сказать...о-о-о-х!

– Сама ты мочалка, Светка! – упёрлась младшая. – Ох, и дурында!

– Ой, да! Ладно тебе! Оговорила самую малость, совсем чуть-чуть! – оправдалась виновница неожиданного всплеска эмоций. – Да уж!

Впервые за последние дни Дине действительно стало легче. Не прекращающие изматывающие навязчивым присутствием постоянные переживания высасывали из неё все жизненные силы. Уже который день девушка плохо спала (или не спала вовсе), а сегодня ей вообще не хотелось идти на работу. Как следствие, и так уж вышло – она опоздала. Намеренно у неё получилось это или нет, но перед работой в очередной раз она решила во чтобы то ни стало успокоиться и, хотя бы часок, поспать. Но, как это иногда бывает в таких случаях, забыла поставить будильник. Результат на лицо: она не пришла на смену вовремя, чем, конечно же, разозлила «начальницу умывальников» и не заслужила похвалы от напарницы.

Такой приятный и весьма неожиданный смех придал ей немного сил и уверенности, но всё же он не избавил от основной проблемы. Она боялась, ужасно боялась наступления ночи. Молилась весь день, чтобы сегодня ночью мальчик спал, чтобы этот кошмар закончился... закончился не только для неё, но и для ребёнка. Как ни странно, но Дина переживала за малыша, может даже сильнее, чем за себя. Ведь мальчик мучился, с ним происходили малоприятные, не помещающиеся в голове, страшные вещи. Медсестра стала случайным свидетелем жутких ночных странностей и нечаянным участником страданий малыша. Теперь она – часть его кошмаров. Девушка догадывалась, что каждый раз, её визит – для ребёнка спасательный круг из бездны чего-то невообразимо необъяснимого, ужасного. Она будто выдёргивает его из пучины сумасшествия.

– Дак ты почему опаздываешь? – сменила тон Светлана. – Что у тебя произошло?

– Проспала, – произнесла девушка виновато и присела на стул.

– Ничего себе проспала! Ну, ты и поспать! – удивилась старшая. С особой тщательностью она принялась разглядывать напарницу, и после неловкой паузы, сверлящим взглядом просканировав её с головы до ног, с видом обеспокоенного учёного спросила:

– Может, расскажешь уже?

– Что, рассказать? – вопросом на вопрос ответила Дина, но про себя отметила, о чём хочет расспросить Светка.

– Ты же знаешь, о чём я...

– Я же говорю: проспала, забыла поставить будильник и ... вот.

– Да не об этом я! – не скрывала нарастающее раздражение старшая медсестра, – не делай из меня идиотку, пожалуйста. Я тебя умоляю! Хорошо?

Сейчас вид возмущённого учёного дополнили бы очки и строгий костюм – уж больно она напоминала сурового учителя, отчитывающего за очередную проделку ученика.

– Вчера тебе удалось уйти, я бы даже сказала «убежать», от ответа. А, если говорить откровеннее, я не стала доносить тебя своими расспросами, поскольку посчитала, что задавать их не уместно. Видела бы ты себя! Ты чуть всё отделение на уши не поставила. Да что я говорю – поставила, да ещё как! «Что произошло»? «Кто кричал»? – этими вопросами доносили меня чуть ли не всю ночь... А сейчас ты делаешь вид, что не понимаешь о чём я говорю, – выругалась Светлана, и была права.

Крик в отделении посреди ночи, в окружении холодных ламп и непобедимого желания лечь поспать жутко напугал не только старшую, но многих других, кто в ту ночь страдал бессонницей или от громкого звука вынужден был проснуться. Медсестра ещё вечером заметила: с напарницей что-то не так, в буквальном смысле. Уж больно странным казалось её поведение: всегда весёлая и жизнерадостная, даже в те дни, когда домашние проблемы (с родителями), в том ужасном проявлении, котором они однажды, совсем случайно, предстали перед многими, должны были сломить волю девушки, она продолжала улыбаться и шагать наперекор злосчастиям судьбы. Такой несчастной замкнутой унылой и напряжённой Светлана не видела подругу никогда. Мало того, что творится чёрт знает что, она же ещё сидит и строит из себя тупую.

– Ну что ты молчишь? – смягчила тон старшая, – ты же можешь мне сказать. Сейчас уже поздно: многие больные спят, никуда идти уже нет необходимости, и мы сможем спокойно побеседовать. И, кстати, Дима тоже спит. Я заходила к нему, совсем недавно, как раз перед твоим приходом...

Дина невольно вздрогнула, её лицо переменялось: сквозь маску спокойствия пробился страх. Девушка опустила голову в пол и погрузилась в себя. Не желая продолжать разговор, она упорно молчала, но старшая не отступала:

– И ещё: сегодня мне показалось, что он ждал тебя. Не знаю, почему я так решила, но... думаю, так и было. Он заглядывал сюда чаще, чем обычно. Когда встречал меня, то тут же вертел головой по сторонам в поисках кого-то.

Старшая замолчала. Выдержав минутную паузу, в течение которой её взору предстояло выдержать тихое медленное погружение сознания напарницы в собственную кому, Светлана всё же не выдержала и проговорила:

– Дина, не молчи. Ты напугала меня вчера, понимаешь? Ходишь-бродишь уже который день, сама не своя, разговаривать не хочешь. Может у тебя дома проблемы какие? Дак ты расскажи, не стесняйся, не держи в себе.

– Я не хочу говорить об этом, – вымолвила девушка.

– Знаешь что... – возмутилась Светлана, – твои вчерашние крики были не просто... не просто так... – после некоторого замешательства старшая неожиданно перешла на откровенные вопросы, – Скажи, что тебя пугает в этом мальчике?

– Ничего, – не выходя из комы и не поднимая головы, ответила Дина.

– Что тебя так напугало, что ты уже третий день не в себе? Ты думаешь – я не вижу, как ты косишься? Эта палата будто приковала твой взгляд. Даже сейчас ты украдкой поглядываешь не куда-нибудь, а именно на неё.

Дина подняла изумленный взгляд. Она и не подозревала, что её старательно маскируемые движения могут быть так явственно заметны. Но больше всего её поразил тот факт, что в эту самую минуту она в действительности неосознанно посматривала туда. Только сейчас, когда Света ткнула девушке её же проблемой в лицо, до неё дошло, что палата номер семь не отпускает её и не отпускала с той самой минуты, как младшая пришла на смену.

– Что? – вызывающе вытаращила глаза старшая. – Я права?

Суровости в её лице было хоть отбавляй, но Света действительно очень волновалась за подругу. Она, вдруг, тяжело вздохнула и сказала:

– Так! Динка, сегодня ночью, если этот ребёнок заплачет – я пойду к нему! Понятно? Не ты, а я! Ну если ты, конечно, захочешь, можешь пойти со мной.

Дина смотрела на неё, и глаза наполнялись слезами. Ей очень хотелось, чтобы всё было именно так, чтоб Светка сама сходила к ребёнку и... «главное не видеть то, что может быть». Но больше всего на свете ей хотелось, чтобы ничего этого вообще не было. Ну просто не могло подобное произойти с ней! С кем-то другим – пожалуй, но только не с ней. В то же время, девушка понимала, старшая не должна увидеть то, что «может быть» – она не сможет помочь.

«Я смогу помочь ему»

Откуда такая уверенность родилась у неё внутри? Этого, наверняка, она знать не могла, но чувствовала что сможет.

«Я смогу ему помочь. Только я смогу разбудить его – вырвать из плена кошмара»

– Ну, ты чего? Ди-ина. Ну, не надо плакать, – обняла девушку подруга, – Что-то ты совсем раскисла! – Светлана заглянула в глаза напарницы и спросила: Ты расскажешь мне? Я смогу помочь тебе?

– Нет. – совсем тихо и сухо отрезала Дина, и тем самым поставила точку в разговоре. К чему все эти попытки-попытки старшей, если она уже твёрдо решила – во что бы то ни стало, поможет ребёнку. Поможет, если понадобится.

«Только бы не понадобилось»

– Не плачь, я же твоя подружка, – сдалась Света (нет смысла мучить девушку и терзать себя материнским любопытством). – Если захочешь поделиться со мной, я буду рада, имей ввиду.

Как мудрая женщина и старше Дины на пятнадцать с лишним лет, старшая улыбнулась и поспешила сменить тему:

– Этот мужик с двенадцатой, его, кажется, Володей звать, меня в конец достал! Дебил натуральный. Хочет меня, видимо. Сходил бы в туалет и поиграл со своим дружком, а то всё: «Светочка, у меня температура высокая! Светочка, мне как-то плохо! Светочка, дайте мне таблетку от головы!» Рожа ехидная такая, плутовская... лыбится так. Он издевается, понимаешь?! – говорила старшая, будто рассказывала давным-давно заученное, ставшее таким надоедливым, стихотворение и, отворив дверь в коридор, на ходу бросила: Ну ладно, я пошла. Надо больных обойти.

Весь вечер до наступления полуночи и всю ночь до самого утра Дина не находила себе места. Она пробовала заниматься обычными рабочими делами, попыталась приняться даже за то, что уже давно откладывала в долгий ящик под заглавием «Несрочные и неважные», но всё тщетно – палата номер семь не выходила из головы. С замиранием сердца, с навязчивой жестокой периодичностью, девушка поглядывала на дверь. Дина попробовала отвлечься: достала медицинский справочник и с поддельным интересом уткнулась в страницы, но каждый

раз, когда буквы, вдруг расплывались, она обнаруживала, что её взор вновь останавливается на роковой палате.

Девушка сидела в ординаторской и вздрагивала от любого звука – ждала сигнала. Какой он должен быть – не важно. Очень не хотела, ужасно боялась его появления, но всё же ждала. Иногда, сквозь сумрак собственного страха, откуда-то издалека ей слышался плач ребёнка, но каждый раз, когда сопротивление рациональной мысли всё-таки брало вверх, девушка с облегчением понимала, что ей показалось и, что встревоженное состояние и разыгравшееся воображение просто-напросто издеваются над ней. Правда, с каждой минутой внутреннее напряжение упорно не ослабевало, наоборот – только усиливалось. Каждый оборот часовой стрелки висевшего над выходом вестника времени напоминал ей – на дворе ночь, а это значит, что мальчик вот-вот позовёт. Эти мысли тугим поясом сдавливали грудь хрупкой девушки.

«Почему он молчит? Почему? Может быть он...»

И Дина оттолкнула от себя мысль, которая, вдруг, случайно поселилась в голове и не хотела выходить. Да, как такое вообще может быть?

«А ведь может, и ты знаешь об этом, Дина. Почему тогда ты допускаешь реальность увиденного тобой, но отрицаешь подобное? Весьма некстати, девушка! Ой, как некстати.»

Она поспешила успокоить себя, что быть такого не может и что ей в башку лезет всякая чертовщина, но дурная страшная мысль не сдавалась: сверлила и сверлила без того ослабевшую от постоянных недосыпаний девушку, назойливой мухой кружилась в голове, всякий раз, то и дело напоминая о своём присутствии. И никуда не убежать от неё, негде спрятаться, нечем защититься.

«Он умер» – повторяла надоедливая муха, – «мальчик умер»

«Ты допускаешь это, Дина? Допускаешь?»

«Мальчик умер».

Она обернулась: сложив руки под голову, Света мирно дремала на кушетке.

«Может всё-таки стоит попросить её навестить мальчика?»

«А если это в действительности так? Что тогда?»

Преодолев нестерпимое желание разбудить старшую, Дина поднялась со стула и направилась к палате номер семь. Мысль о том, что Дима умер снежным комом, мчащимся с высокой снежной горы, росла с каждой секундой. Руки девушки задрожали, горло стянула невидимая нить, и ноги будто облепили тяжёлыми камнями. Младшая открыла дверь в палату: подозрительно тихо, и, к тому же, приятный ровный свет лампы покрывал комнату видимым покоем. Дина посмотрела на кровать в дальнем углу у окна: мальчика мирно спал, никаких стонов и противных заиканий лампы – на первый взгляд всё хорошо. Правда, с данного положения абсолютно не видно...

«...чёрт побери эти глаза»

Как же ей не хотелось приближаться, она готова была развернуться и убежать, но вместо этого Дина продолжала стоять. И чего же она ждёт? Что ребёнок позовёт её, вот-вот начнёт стонать и ...

«...чёрт побери эти глаза»

... ей снова придётся пережить это, если, конечно...

И снова это жуткое предположение:

«... если, конечно, Дима ещё жив»

Взор девушки прилип к дальнему углу, внутренний голос потребовал подойти поближе, а страх перекрыл кислород. Она должна заставить себя сделать это, иначе...

«Что иначе? Что тогда будет?»

«Ничего не будет»

Как по злему волшебству, мальчик пошевелился, маленьким кулачком потёр лицо, как это бывает во сне, и повернулся набок. Всё случилось так неожиданно, что медсестра даже не

поняла, как в страхе подпрыгнула. В миг позабыв зачем пришла и внезапно обнаружив в себе силы двигаться, Дина пулей выскочила из палаты. Навалившись на холодную стену коридора, она с облегчением вздохнула:

– Господи! Господи! – шептала она дрожащим голосом. Слушая угасающий бой собственного сердца, девушка благодарила, – Спасибо!

Младшая простояла так ещё минут десять-пятнадцать, пока оклемавшееся от напряжения сознание, не приказало ей идти. На ватных ногах она доковыляла до ординаторской и присела на стул. Стрелки на часах сообщили: почти утро – шестой час, а мальчик спит.

«Ты допускаешь это, Дина? Допускаешь?»

Может показаться странным, но, всё же, маленькая радость, будто искорка надежды, вспыхнула внутри – всё кончено и кошмары не повторятся.

«Для неё? Или для него?»

«И почему я так решила? К тому же, Дима ещё не проснулся»

Точно прочитав её мысли, как по велению судьбы, дверь в палату отворилась, и вышел Дима. Невозможно описать какой букет эмоций испытала в этот момент девушка: больше от испуга, чем от удивления, она открыла рот. По-подлому, произвольно ослабли сфинктеры, предвещая наступление сырой погоды в её трусиках, но, к великой радости, ничего такого не произошло. Девушка просто наблюдала: мальчик вышел из палаты и направился по коридору, подошёл к телевизору, включил его и уселся на диван. Тишину нарушили звуки всем известного мультфильма, обозначив тем самым, что ночь в отделении подошла к концу.

Дина вышла в коридор, нерешительными шагами она подошла к мальчику. Куда-то исчез страх, пропала дрожь, легко стало дышать. Дима сидел на диване: навалившись на спинку, заинтересованным взглядом обычного ребёнка, он поглощал яркие цветные картинки. Рот в дуге радости, и глаза сияют счастьем. Удивительно, впервые, как они познакомились, она видела его таким. Сияющим и счастливым.

«Сегодня кошмара не было, и страх не приходил» – подумала младшая.

Она подошла поближе, присела рядом и заглянула в его глаза, стараясь найти в них хоть что-нибудь подозрительное. Дима улыбнулся во весь рот, и девушке ничего не оставалось, как ответить тем же.

«Сегодня кошмара не было, и страх к нему не приходил» – внушала себе Дина, но медсестра не знала, что монстр никуда не уходил, да и не собирался вовсе.

Когда страх парализует волю, человек не в силах мыслить нормально – просто не в состоянии. В большинстве случаев все действия, которые человек предпринимает во время ступора, вызванного сильным испугом, происходят интуитивно, рефлекторно. И эти рефлексы порой бывают настолько неожиданными и неестественными, что после случившегося человек не может понять, как это у него вышло.

Но что происходит в голове, если страх приходит каждый день, и, самое ужасное, если человек не знает природу этого жуткого мучителя? Что делать? Как быть? Как действовать, если ты даже пальцем пошевелить не можешь? Что предпринять, если невозможно закричать, позвать на помощь, и каким образом, всё-таки, смириться и покориться страху, если не можешь при этом закрыть глаза, отключить разум и погрузиться в тьму? Ведь всё, что происходит в этот момент – даже не боль (её нет), это жуткий парализующий страх. Может быть, это и есть ад? Как знать, но, во всяком случае, он был таковым для ребёнка.

Дима снова был в аду, в его собственном аду. Сегодня монстр подкрался незаметно, и его атака произошла с довольно решительной стремительностью; не сказать, что она была внезапна – ребёнок ждал её. Страх набросился и с небывалой силой скрутил тело малыша, словно решил

бросить все свои силы и в очередной схватке с детским разумом, во что бы то ни стало, всё же одержать победу, погрузить мальчика в тёмный мир. Как и прежде, мальчик отбивался изо всех сил, сражался, как мог.

«Почему я боюсь? Почему мне так страшно? Чего я боюсь?» – закрутились вопросы в голове.

Весь день Дима чувствовал себя превосходно: он играл в свои игрушки, бегал по коридору отделения, даже не отказал мужикам из соседней палаты сыграть с ними в карты. Мальчик вёл обычную детскую жизнь, полную разных виртуальных приключений, насыщенную новыми познаниями, пусть даже и такими, что «крести» ещё называют «трефами» или, что жена дяди Пети полная дура, по-видимому, потому что не бреет ноги. В общем, малыш весь день был обычным нормальным ребёнком.

Только когда наступил вечер и на улице стемнело, Дима как-то сразу приуныл. Даже приход родителей не смог поднять ему настроение – мальчика пугало наступление ночи, что придётся ложиться спать, а значит, будет он...

Вечером он лежал на кровати и задавал себе вопросы: «Почему это происходит и по какой причине? Как с этим бороться? Почему ему страшно?» Ни один вопрос так и не был решён – для него ответов просто не существовало. Но ребёнок есть ребёнок, и может именно потому, что Дима был ещё слишком мал, детский разум был всё ещё жив, поскольку в состоянии многое забыть и с многим смириться, воспринять происходящее как должное, а не как нечто сверхъестественное. Мозг взрослого человека давно бы «треснул», погрузив хозяина в некое состояние, которое привычно называть сумасшествием. Поэтому, не найдя подходящих и нужных ответов, Дима просто смирился с тем, что придётся побороться с монстром ещё разок, и не последний – точно.

Он повернулся набок и, как происходит у детей после тяжёлого насыщенного играми дня, мгновенно уснул. А существо-страх поджидало его: монстр схватил мальчика когтистыми лапами, мёртвой хваткой прижал к себе и открыл ребёнку глаза. Находясь между двумя мирами, реальным и нереальным (всё было как во сне, но ужасно страшно) Дима снова видел потолок, слышал звуки, доносящиеся с коридора, но не мог ничего сделать – власть над телом полностью отсутствовала. Мальчик находился в собственном аду, в который так безжалостно погрузил его страх.

Монстр терзал ребёнка, огромными тяжёлыми лапами повиновения сдавливал грудь и сжимал горло. Дима не мог вдохнуть, и на миг ему показалось, что он вообще перестал дышать, сейчас задохнётся и умрёт, но жизнь упорно продолжала биться в груди маленького человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.